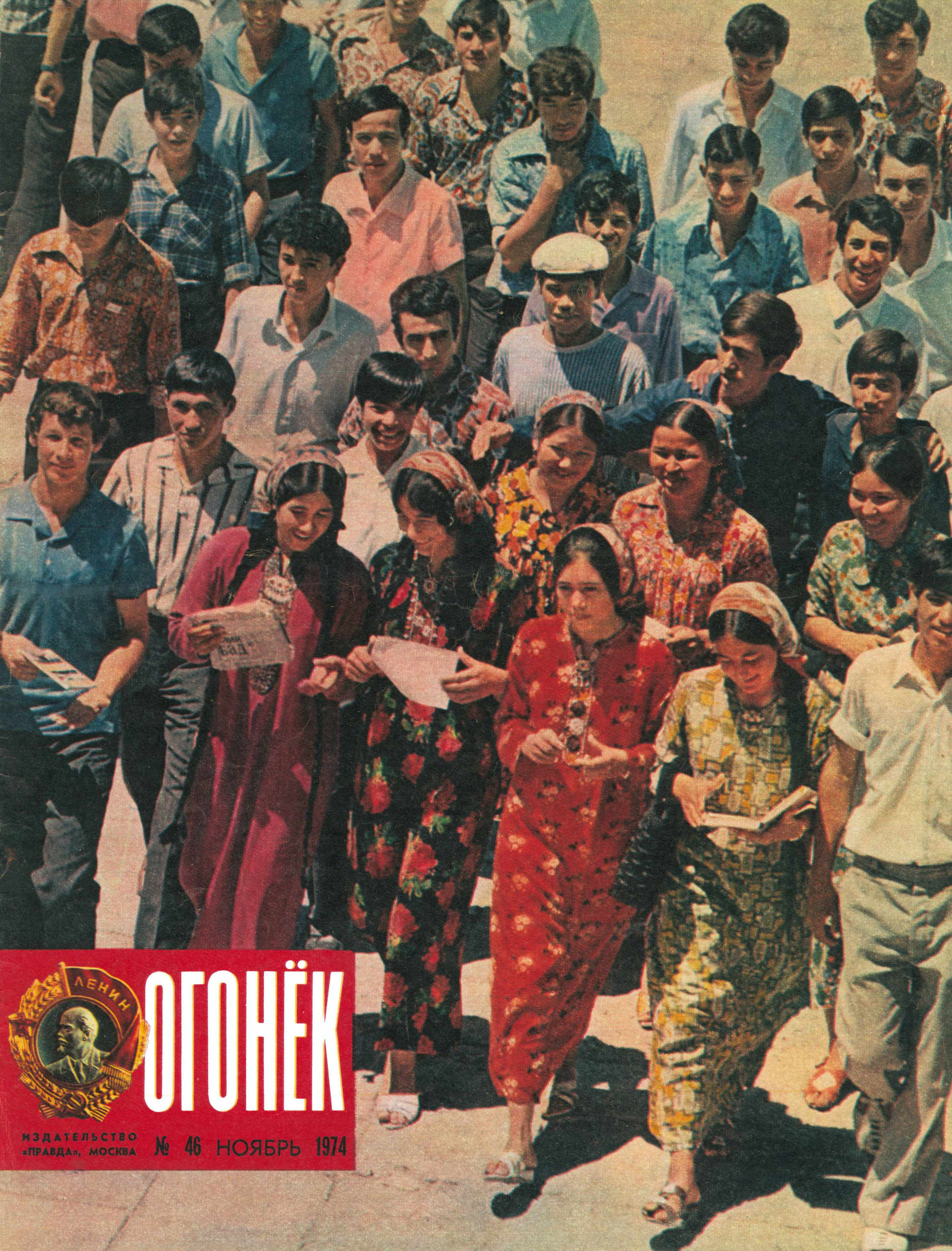
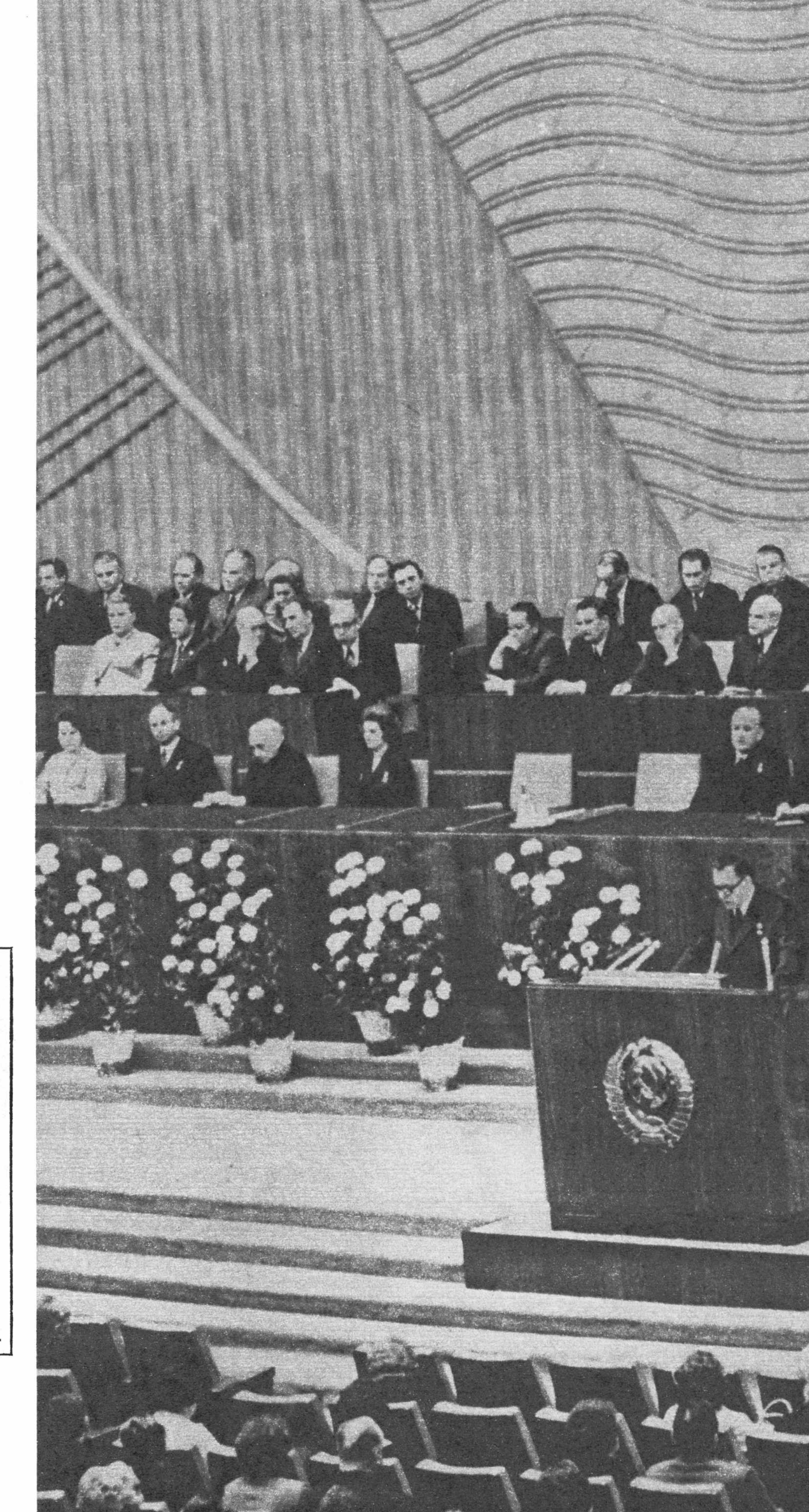

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1974

Москва,
6 ноября.
Кремлевский Дворец съездов.

В президиуме торжественного заседания, посвященного 57-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2471)

10 НОЯБРЯ 1974.

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1974 ГОДА.

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с федеральным канцлером Федеративной Республики Германии Г. Шмидтом.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КАНЦЛЕР ФРГ В СССР

В соответствии с договоренностью о проведении встреч между руководящими деятелями Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германии и по приглашению Советского правительства 28—31 октября 1974 года в Советском Союзе находился с официальным визитом федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Шмидт вместе с федеральным министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером.

Состоялся ряд встреч и бесед Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с федеральным канцлером Федеративной Республики Германии Г. Шмидтом и заместителем федерального канцлера, федеральным министром иностранных дел Г.-Д. Геншером.

В ходе бесед стороны обсудили современное состояние отношений между обоими государствами и возможности их дальнейшей активизации. Состоялся широкий обмен мнениями по актуальным международным вопросам, связанным с обеспечением прочного мира и безопасности в Европе и во всем мире. Беседы характеризовались общим стремлением сторон к дальнейшему расширению существующей основы для укрепления взаимопонимания, доверия и добрососедского сотрудничества.

30 октября в Кремле состоялось подписание советско-западногерманских документов.

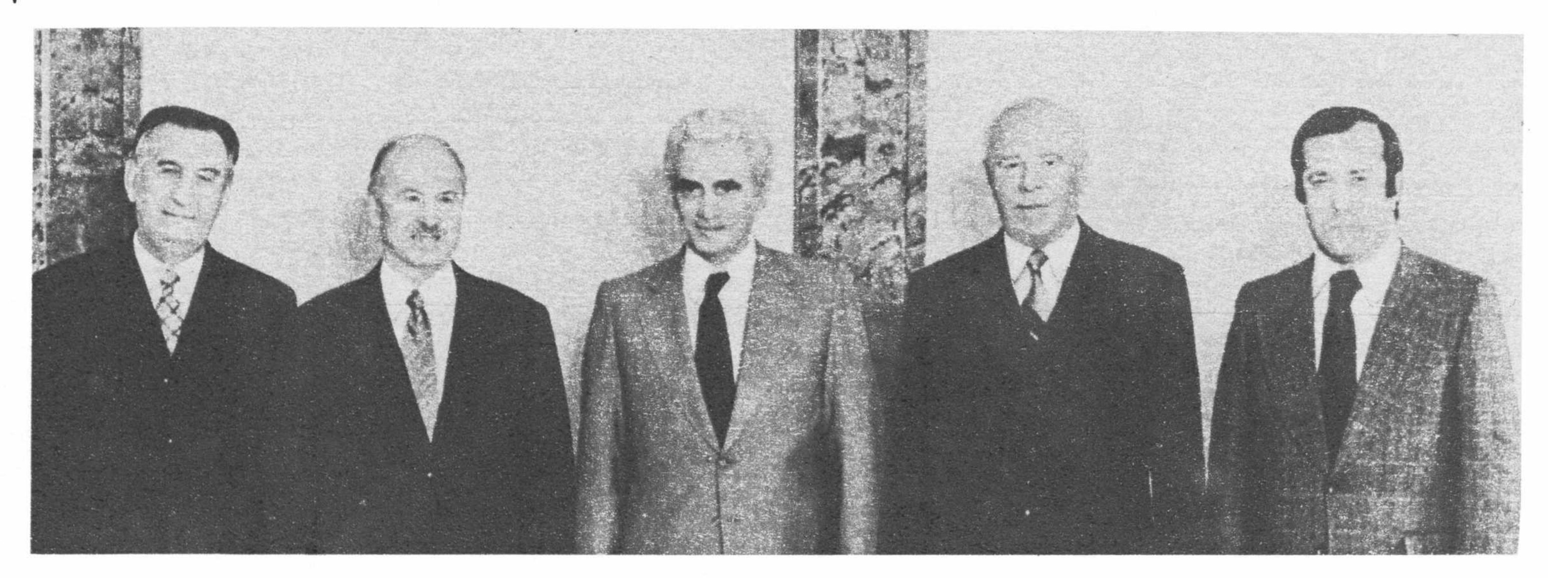
Было подписано «Совместное заявление о визите федерального канцлера Федеративной Республики Германии Г. Шмидта и заместителя федерального канцлера, федерального министра иностранных дел Г.-Д. Геншера в Советский Союз».

Состоялось также подписание «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Федеративной Республики Германии о дальнейшем развитии экономического сотрудничества».

Подписание советско-западногерманских документов.
Фото А. Пахомова.

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

Во время приема.

Фото В. Воронина.

С 29 октября по 3 ноября в Москве находилась правительственная делегация Португальской Республики во главе с государственным министром А. Куньялом.

2 ноября член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов приняли государственного министра А. Куньяла и государственного секретаря по вопросам общественной информации Г. Консейсао-и-Силва. В ходе дружеской беседы состоялся обмен мнениями по вопросам советско-португальских отношений и было выражено стремление обеих стран развивать взаимовыгодное сотрудничество.

С советской стороны были переданы привет и наилучшие пожелания от Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного и А. Н. Косыгина президенту Португальской Республики генералу Кошта Гомешу и премьер-министру бригадному генералу Васку Гонсалвишу.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Некоторое время тому назад я беседовал с одним американским ученым, занимающимся вопросами международных отношений. Речь шла о положении на Ближнем Востоке. Мы оба согласились, что сейчас в деле ближневосточного урегулирования трудно усмотреть поступательное движение. «Но зато не происходит и обострения!» — воскликнул мой собеседник.

С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Особенность международных конфликтов нашего времени заключается в том, что затяжка их урегулирования, попытки подменить решение политических вопросов мерами частичного характера неизбежно ведут к их обострению, к опасности их перерастания в вооруженные столкновения. Исторический опыт показывает, что империалистические силы используют застой в решении международных конфликтов для нагнетания напряженности и подготовки новых военных авантюр. Пример Ближнего Востока особенно убедителен в этом отношении. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, откладывать решение важнейших вопросов ближневосточного урегулирования — «значит сидеть на бочке с порохом, которая может взорваться в любой момент».

Не случайно правящие круги Израиля, опираясь на поддержку своих традиционных иностранных покровителей, всячески уходят от возобновления работы по мирному урегулированию на конференции по Ближнему Востоку в Женеве. Оттяжка с возобновлением этой конференции им выгодна: они могут продолжать удерживать захваченные арабские земли и постепенно «приращивать» их к Израилю.

Если просмотреть «дневник» израильской политики за последнюю декаду октября — начало ноября, то можно убедиться, что весь он заполнен событиями, подтверждающими этот вывод. Ассигновано 50 миллионов долларов на укрепление линии фронта с Сирией. В 18 прифронтовых поселений доставлены тяжелые пушки и минометы. Произведены военные маневры у границ Сирии и Иордании. Таковы «записи» в этом «дневнике». Их «прокомментировал» начальник генерального штаба Израиля Мордехай Гур, который откровенно заявил, что «еврейское государство готовится к дорогостоящей войне». Его откровенность свидетельствует о том, что израильские «ястребы» стремятся использовать затяжку с делом политического урегулирования для подготовки новых авантюр против своих арабских соседей. Уроки октябрьской войны прошлого года, когда они получили отпор со стороны арабских народов, не пошли им впрок.

Похоже на то, что руководители Израиля не проявили еще желания признавать новые реальности современного положения на Ближнем Востоке. К ним в первую очередь относится рост международного авторитета палестинского освободительного движения, укрепления его позиций. Включение в повестку дня XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН палестинского вопроса, приглашение на сессию делегации палестинского движения сопротивления — все это убедительные свидетельства того, что без учета законных интересов палестинцев решение ближневосточного конфликта не может быть прочным и устойчивым.

Сотни тысяч палестинцев, изгнанные за пределы своей родины, живущие в палатках, где выросло новое поколение, никогда не видевшее своей страны, имеют неоспоримое право на свой национальный очаг. Это не только требование справедливости. Этого требуют интересы мира на Ближнем Востоке, который неотделим от решения палестинской проблемы. Росту международного авторитета палестинского освободительного движения способствует разрабатываемый Организацией освобождения Палестины реалистический подход к проблемам борьбы за осуществление законных интересов арабского народа Палестины. Это направление деятельности ООП поддержано арабским совещанием в верхах, закончившимся недавно в Рабате. Совещание внесло важный вклад в консолидацию общеарабской позиции по палестинскому вопросу.

Важнейшим политическим фактором, непреходящей реальностью положения на Ближнем Востоке является широкое и постоянно развивающееся дружественное сотрудничество Советского Союза с Сирией, Египтом, Ираком, с руководством Организации освобождения Палестины. Явно просчитались империалистические круги, а также силы реакции в ряде арабских стран, которые рассчитывали на ослабление этого сотрудничества. Реальные факты жизни показывают, что только ориентация на дружбу с Советским Союзом, на его поддержку создает прочную основу для политики арабских стран, направленной на ликвидацию израильской агрессии. Успехи палестинцев на международной арене, о которых упоминалось выше,— это также в значительной степени результат роста советско-палестинского сотрудничества. «Наш народ,— говорится в телеграмме председателя исполкома ООП Я. Арафата Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу,— не забудет принципиальной позиции, занятой Вами и народом великого Советского Союза в его поддержку в это трудное и тяжелое для него время, когда он противостоит ударам империализма и сионизма, стремящихся ликвидировать его национальное существование». Скорейшее и эффективное возобновление работы Женевской конференции с участием всех заинтересованных сторон, включая палестинцев,— такова насущная необходимость, вытекающая из реальностей положения на Ближнем Востоке.

Орден Октябрьской Революции на знамени Киргизской ССР.

В ЕДИНОМ

В зале торжественного заседания, посвященного 50-летию образования Киргизской ССР и создания Компартии Киргизии.

Праздничная демонстрация во Фрунзе.

СТРОЮ

Фото А. ГОСТЕВА, специального корреспондента «Огонька».

Тем, кто побывал в эти дни в Советском Киргизстане, казалось, что осень уступила свои права весне: такой светлой радостью цвели города и села республики. На улицах кумач знамен и транспарантов, повсюду звенят песни народа, празднующего свой юбилей — 50-летие образования Киргизской ССР и создания Компартии республики.

Когда-то, скрываясь от преследования царских властей, акын Токтогул, борец за свободу народа, сложил песню, славящую человека, который «ударит камень о камень, высечет искру и счастья костер разожжет». Песня акына оказалась вещей: костер народного счастья вспыхнул в дни Октября, его зажгла Коммунистическая партия под водительством Владимира Ильича Ленина. И вот уже более полувека пламя этого костра разгорается все ярче, освещая грандиозные свершения киргизского народа, идущего рука об руку со всеми народами-братьями Страны Советов.

На празднование юбилея Советской Киргизии в республику прибыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

1 ноября товарищ А. Н. Косыгин возложил цветы к памятнику В. И. Ленину и венок к обелиску павшим в борьбе за власть Советов в Киргизии.

В честь 50-летия республики и Компартии Киргизии была заложена аллея Дружбы. Первое деревце на ней посажено по просьбе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Юные деревца посадили товарищ А. Н. Косыгин, руководители Киргизской ССР, почетные гости.

...Дворец имени В. И. Ленина во Фрунзе — в праздничном убранстве. 2 ноября здесь состоялось совместное торжественное заседание ЦК Компартии Киргизии и Верховного Совета Киргизской ССР, посвященное славному юбилею.

Аплодисментами встретили участники торжественного заседания товарища А. Н. Косыгина. Вместе с ним в президиуме — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Т. Кулатов, Председатель Совета Министров республики А. С. Суюмбаев, члены Бюро ЦК Компартии Киргизии, руководители делегаций союзных республик, городов Москвы, Ленинграда, Среднеазиатского военного округа, кронштадтских моряков, знатные производственники, представители общественности.

С огромным воодушевлением участники торжественного заседания избрали почетный президиум в составе Политбюро ленинского ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ А. Н. Косыгин.

Еще более замечательным видится с достигнутых рубежей будущее киргизского народа, сказал товарищ А. Н. Косыгин. И в такие праздники, как сегодня, каждый советский человек, каждый народ нашей страны особенно остро ощущает, какое это большое счастье — принадлежать к дружной и сплоченной семье братских народов Советского Союза, чувствовать себя ее полноправным и активным членом, трудиться и творить ради общего блага, в интересах каждого и всех, во имя торжества коммунистических идеалов.

Товарищ А. Н. Косыгин зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Киргизской ССР четвертым орденом — орденом Октябрьской Революции — и под продолжительные аплодисменты прикрепил орден к знамени республики.

С докладом о 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Компартии Киргизстана выступил первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев.

Со славной годовщиной и высокой наградой Родины трудящихся Киргизии сердечно поздравили руководители делегаций, прибывших на торжества.

С огромным подъемом участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

3 ноября жители и гости столицы республики заполнили центральную площадь, где состоялись военный парад и демонстрация трудящихся. В праздничном шествии единым строем шли сыны и дочери Советского Киргизстана, демонстрируя сплоченность вокруг ленинской Коммунистической партии, нерушимую верность идеалам коммунизма.

Н. ТОЛЧЕНОВА

СВЕТ ДАРОВАНИЯ

Гордая русская красота Гоголевой, свободная, статная ее осанка, огненный прямой взгляд из-под густых бровей, кажется, еще заметнее подчеркнувших строгую чистоту и изящество скульптурно тонкой, а вместе с тем отчетливой лепки лица, да и весь царственный, не поддающийся возрасту облик актрисы словно освещены изнутри.

Думается, в представленной здесь, на вкладке, работе художника В. Ефанова более всего дает себя знать даже не столько собственная манера портретиста. Гораздо заметнее тут, помоему, свойства натуры, глубоко присущие самой актрисе. И прежде всего свет личности незаурядной. **Свет дарования.** Та, никем еще до конца не познанная, таинственная энергия, которая, по-разному обнаруживаясь в людях, заявляет о себе тоже по-разному. Но заявляет непременно...

По словам А. Н. Островского, «слаженная труппа, при всем разнообразии талантов, ее составляющих, представляет одно целое: у всех артистов ее один прием, пошиб — нечто общее, что называется преданием (традицией), школой...».

Единство приема уже в те ранние годы было достаточно легко и непринужденно достигнуто Е. Н. Гоголевой. Достигнуто еще и благодаря искренней ее любви к слову — одному из главных богатств труппы Малого, неустанно совершенствующей, оттачивающей сценическую речь.

В те ранние годы Гоголева играет репертуар разнообразный и сложный, особенно для того необычного зрителя, который впервые очутился в стенах Малого театра в послереволюционное время.

Дебютом молодой актрисы была роль Джессики в шекспировском «Венецианском купце»; роль нелегкая, требовавшая глубокого нравственного проникновения в судьбу героини, дочери скупца Шейлока. Но тут Гоголевой все пришлось, как говорится, впору: Джессика была так же умна и красива, как непосредственна и искренна во всех своих поступках. Решительно отвергает она лихоимство, жадность и жестокость. Уход героини от отца к возлюбленному Лоренцо вполне ею осознан. И недаром Н. А. Соловьев — Лоренцо так восхищен Джессикой: «Она умна, как я могу судить; прекрасна, коль мои глаза не лгут мне; верна, что доказала мне сама...»

Так свершилось вступление этой прекрасной и верной умницы Джессики — Гоголевой в галерею образов незабываемых — тех работ Малого театра, которые теперь являются его историей.

Многое запомнилось: прелестная Эсмеральда в «Соборе Парижской богоматери», Хризотемида в «Электре» Гофмансталя...

Через годы бережно, нетленно пронесен в памяти зрителей, сохранен в душе пленительный образ гордой и смелой девочки, гибнущей ради любви... Эту центральную в «Соборе Парижской богоматери» роль Елена Николаевна играла с Александром Алексеевичем Остужевым... Квазимодо у знаменитого артиста вовсе не становился «страшилищем». Никакое уродливое обличье, никакой грим и никакие вообще внешние ухищрения не могли скрыть нравственного превосходства, величия духа, которым обладал герой спектакля, стремившийся спасти несчастную Эсмеральду от страшной смерти...

Горьковский «Старик» незабываем для самой Гоголевой, поскольку был освещен присутствием Ольги Осиповны Садовской, игравшей роль няньки Захаровны... В. Н. Пашенная со дня премьеры, состоявшейся в начале 1919 года, играла в этом спектакле девицу Марину, а Софью Марковну — А. А. Левшина и Е. И. Найденова. Гоголевой же была поручена как будто небольшая роль — Татьяны, падчерицы Мастакова.

Как же много серьезных открытий сделала актриса, вникая в жизнь девушки, кажется, недалекой, по виду занятой будто одними лишь модными тряпками, даже ленивой, если судить о ней по словам отчима, а на самом деле живущей углубленной и деятельной жизнью души, свершающей опять же умные и серьезные наблюдения над всем тем, что ее окружает... Она знала, вернее, хотела знать всему и всем истинную цену, эта Таня, умеющая отличать дурное от хорошего, может быть, гораздо вернее, чем иные взрослые. Недаром она тянется к Софье Марковне, дружит с нянькой Захаровной. И вовсе не боится Старика, хотя С. А. Головин в этой роли был олицетворением хитрой и грозной силы зла, противостоящего добру и человечности...

А. М. Горький сам читал труппе перед постановкой свою пьесу и, конечно же, сумел заразить актеров взволнованным, трепетным к ней отношением. Интересно, что спектакль этот — всех игравших в нем актеров — видели В. И. Ленин и Н. К. Крупская, вскоре после премьеры побывавшие в Малом.

«Старик» в какой-то мере уже подготавливал — по-своему подводил труппу Малого — к освоению той новой драматургии, которой вместе с театром предстояло решить великую творческую задачу: еще ярче, современней, острее осмыслить образы добра и зла, их столкновение уже в нынешней, реальной жизни советского народа; показать в исторически точной обстановке революции народных героев, борющихся и побеждающих...

Но немало еще будет сыграно самых разных спектаклей актерами, прежде чем все они — вся труппа, безусловно, являющаяся хранительницей драгоценнейших традиций, и в первую очередь, верности «натуре», в которую обязан «влазить» каждый актер, следуя щепкинским заветам,— вплотную столкнутся с образами «Любови Яровой».

Пьеса Тренева, вдохновенное актерское ее исполнение прежде всего и обозначат для Малого театра начало новой, советской эпохи в ее сценическом воплощении.

Вспоминая тот классический спектакль — великолепное создание труппы,— можно с полной уверенностью сказать, что, пожалуй, никто другой не вносил в развитие событий такую скрытую силу, такое напряжение и остроту конфликта, как противоборство Яровой — Пашенной и Пановой — Гоголевой.

Панова, чью личность актриса наделяла не только явной незаурядностью, но даже известным обаянием, стала одним из главных действующих лиц в постановке Малого театра.

Две русские женщины, находившиеся по разные стороны невидимой баррикады — Панова и Яровая,— по ходу действия неоднократно сталкивались насмерть, как бойцы, убежденно и неотступно защищавшие свою позицию, свое отношение к жизни, к миру, к людям... У каждой из них была собственная нерушимая программа жизни; у Яровой это народ и революция; у Пановой — пусть бессмысленная, но отчаянная, беззаветная месть народу и революции. В непримиримой той схватке воинственный пафос Пановой — Гоголевой был столь же энергичен, полон непритворной страсти, как и благородные, искренние патриотические чувства Пашенной — Яровой. И, повторяю, вряд ли нашлась бы тогда в талантливейшей труппе Малого театра другая актриса, способная столь же темпераментно и выразительно сыграть **обреченность** лагеря Пановой, как сыграла Гоголева, показав и бесцельность существования и неизбежность гибели целого поколения выродившейся русской аристократии.

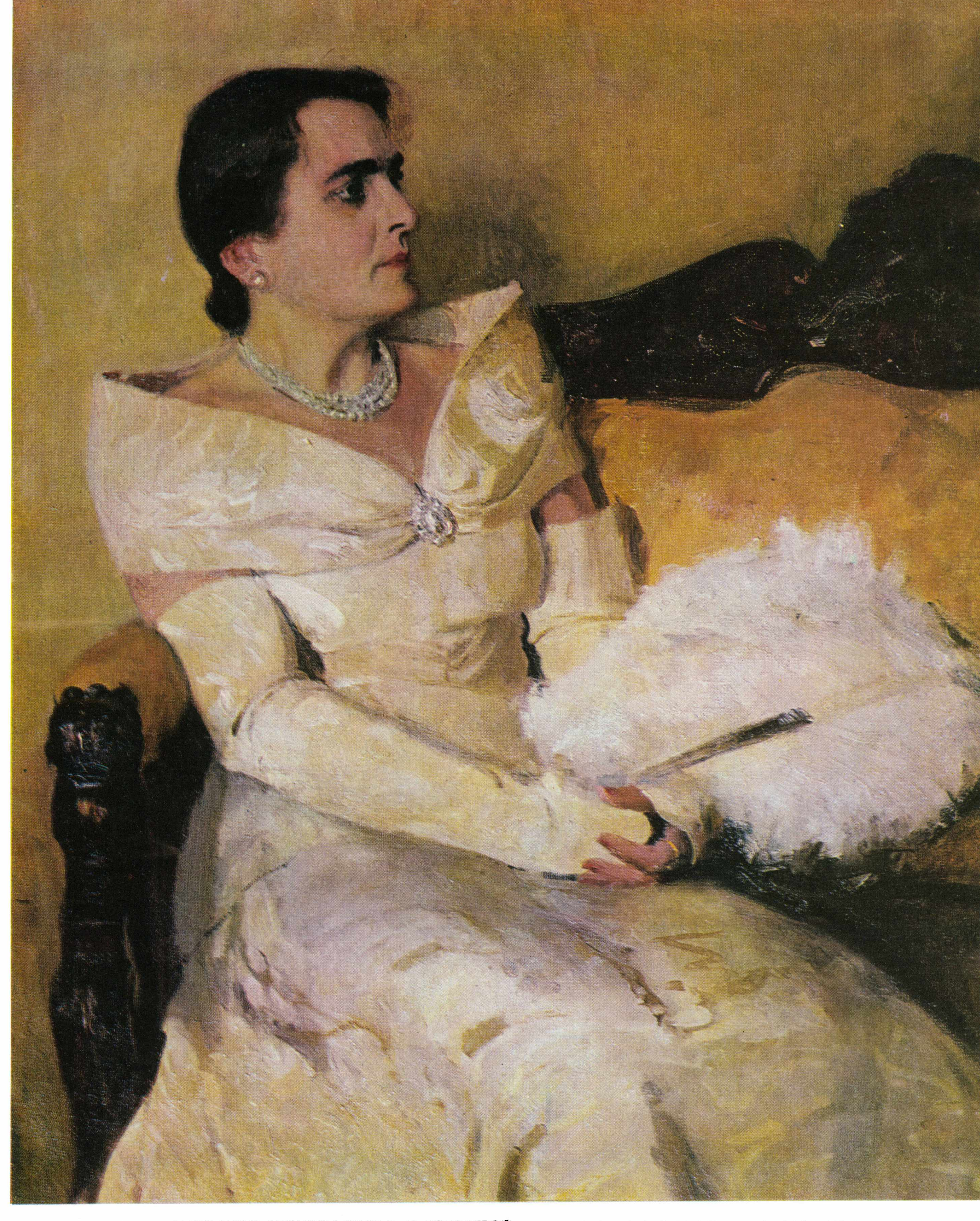
Нет, судя по всему, «героиня» не была ни «авантюристкой», ни тем паче «Мессалиной», как замыслил сначала эту роль К. А. Тренев. Преображенный талантом Гоголевой, полный своеобразного достоинства и глубины, достоверный и потому чрезвычайно убедительный, живой образ стал воплощением огромной трагедии людей, для которых уже больше не было места на родной земле — ни для человеческих корней, ни для самого существования.

Как бы невидимой чертой она отрезана, отторжена от всех, кто находится в противостоящем лагере, эта Панова, гордая и надменная. Хотя при всем том актриса позволяла подспудно ощутить великую беду, великое горе женщины, доселе не знавшей проигрыша, жизненного поражения... Еще и теперь иные зрители помнят, как при взгляде на Панову возникала у них в душе не жалость, но острое сочувствие. А ведь тогда «не принято» было у нас сопереживать покоренному врагу!.. И только героиня Гоголевой могла вызвать столь сложные ощущения в зрительном зале. Самым же сильным чувством была грусть... Боль за человека яркого, умного, но вот ни за что и навсегда погибшего, потерявшего и себя и родину...

Сколько же ролей было сыграно актрисой вслед за Пановой! Ролей крупных, неповторимо окрашенных совсем в иные тона и краски психологического, духовного спектра.

Е. Н. Гоголева теперь полностью занята уже и в новом, советском, все решительнее утверждавшем себя репертуаре. Актриса и здесь — в каждой роли — иная, чем в предыдущей. Неизменно открывает она новые характеры, новый опыт человеческой жизни, выявляет новую индивидуальность своих героинь. Их не перечтешь...

Крупнейший общественный деятель Малого театра, коммунистка, Герой Социалистического Труда Е. Гоголева ведет и вне ее родных театральных стен огромную работу; продолжает убежденную борьбу за торжество советского сценического искусства.

В. Ефанов. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ

Музей Государственного академического Малого театра.

Ефанов. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В. Н. БАКШЕЕВА.

Государственная Третьяковская галерея.

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

БЕРЕГ

Она остановила машину перед стеклянным подъездом отеля в узкой, заросшей деревьями улице, сравнительно отдаленной от непрерывно шелестящего шума, от ревущего потока машин, в котором все время двигались по городу, и здесь, взяв чемоданы из багажника, они вошли в просторный пустынный вестибюль, застеленный коврами, по-особенному тихий, где не слышен был даже бегущий по асфальту стук дождя. Отовсюду повеяло домашними запахами старой мебели, устоявшимся покоем, и, выражая услужливую приветливость на упитанном вежливом лице, вышел навстречу из-за стойки человек («Гутен та-аг!»), тоже по-домашнему спокойный, размеренный в каждом жесте. Он шепотом сказал что-то утвердительное фрау Герберт, воспитанным кивком пригласил Никитина и Самсонова к стойке, попросил паспорта и после минутной процедуры заполнения регистрационных бланков уважительно вынул из круглых гнезд ключи номеров с прикрепленными к ним маленькими деревянными грушами, подхватил чемоданы и, отражаясь в зеркальной стене, пошел к лифту в глубине вестибюля.

— Большое спасибо. Вы нас прекрасно довезли, фрау Герберт,— сказал Никитин.— Каково теперь дальнейшее?

— Говорить медленно, господин Никитин?

— Пока да, мне надо еще привыкнуть. Иначе замучаем переводом господина Самсонова.

Она улыбнулась.

— Я думаю, вы устали после самолета, и вам нужно отдохнуть. Но вечером я буду очень рада видеть вас у себя дома. Я заеду в семь часов. Теперь... пожалуйста, посмотрите свои комнаты, если хотите, переоденьтесь и спускайтесь вниз минут через десять. Я буду ждать вас в ресторане. Разрешите мне немножечко выпить с вами. Как это? На ваше здоров-вье-е? — по-русски добавила она протяжно и с некоторым смущением щелкнула пальцами, как это делал Никитин, отыскивая немецкие слова.— Так по-русски? Или я ужасно сказала?

— У вас прекрасное произношение, фрау Герберт. Через десять минут мы внизу.

В скоростном лифте они поднялись на пятый этаж и, выйдя в напоенный теплом длинный коридор, зеленеющий пушистой синтетической дорожкой, быстро нашли по листкам отеля номера своих комнат, расположенных рядом; двери предупредительно полуоткрыты, ключи в замках, чемоданы внесены.

В номере Никитина было по-осеннему сумеречно, и стучали, вкрадчиво царапали капли дождя по стеклу. Никитин снял плащ, нашел выключатель, зажег свет — и тут же пленительно засверкали свежестью, чистотой два белоснежных конверта-постели на широкой двуспальной кровати, выделились стерильной белизной подушки, казавшиеся даже на вид успокоительно-нежными, манящими покоем под кокетливыми абажурчиками в изголовье, наподобие юбочек; полированно засияли деревом большой бельевой шкаф, полуписьменный с конторками и приемником стол на тонких ножках, журнальный столик, осененный розовым куполом торшера, в окружении трех мягких кресел.

«Все педантично начищено и прибрано по-немецки»,— подумал Никитин, развязывая галстук, и прошел в ванную, чуть пахнущую озонатором, ярко залитую люминесцентным светом прямоугольных плафонов, чистоплотно блещущую зеркалами, кафелем, никелем вешалок, где над безупречной голубизной умывальника, заклеенного бумажной ленточкой «стериль», приятно белели разглаженные личные и мохнатые полотенца, затем он вошел опять в комнату, повалился в благодатно вобравшую его глубину кресла, вытянул ноги, наслаждаясь тишиной, удобством, подумал:

«Что ж, вот отсюда начинается отельно-ресторанная жизнь вперемежку с дискуссиями, приемами, аперитивами и разговорами. И десять дней, глубокоуважаемый Вадим Николаевич, покажутся вам вечностью, несмотря на заграничные апартаменты и радостный прием, оказанный какой-то не очень ясной фрау Герберт. Устанете, как черт в преисподней. Что ж, если уж приехали, то пусть жизнь идет так, как она идет, не торопить ее, не ускорять...»

Он не хотел в эту минуту думать о том, что осталось позади, далеко отсюда, за дождливым тысячекилометровым пространством, он не хотел думать о доме, потому что знал: через неделю начнется сумасшествие — неистребимая тоска по своему кабинету, по жене, по предзимнему ноябрьскому холодку московского воздуха.

«Все пока отлично»,— подумал Никитин и живо достал из чемодана галстук, купленный в Париже, свежую нейлоновую, тоже парижскую рубашку и, уже с удовольствием переодеваясь, чувствуя начало новой, праздной жизни, услышал стук в дверь, басок Самсонова:

— Готов? Не забывай, классик, нас ждет женщина.

— Заходи, рюмочку по-мужски не хочешь? В честь приезда,— сказал Никитин, продевая в манжеты запонки, и показал глазами в сторону расстегнутого портфеля.— Пока я тут, Платоша, занимаюсь экстерьером, достань, раскупорь и разлей по стаканам граммов по пятьдесят.

— Гляди-ка, тебе — приемник, а мне — транзистор, фитюльку, номера рядом, а классовое неравенство явное,— басил, скептически озирая комнату, Самсонов, при помощи зубов и дверного ключа раскупорил вынутую из запасов Никитина бутылку и, зазвенев стаканами на столе, разлил коньяк.— Ну, давай за мягкое приземление на земле гамбургской. Доложу тебе, что ты очаровал фрау Герберт. Заметил, как она на тебя смотрит?— Он понюхал коньяк.— Ах, аромат!..

Никитин надел облегавшую тело прохладную нейлоновую рубашку, надел пиджак и с тем же удовольствием обретенной чистоты и с тем же ощущением беззаботности взял стакан, коричнево блеснувший сквозь стекло коньяком, стоя чокнулся с Самсоновым, выпил эту крепкую, пахучую жидкость, разлившую веселое тепло в груди, крякнул, сказал:

— Хорошо пошло, прекрасно! Что касается твоей наблюдательности, то она у тебя, Платоша, шерлок-холмсовская.

— Прошу под коньяк.— Самсонов извлек из кармана две карамельки, одну протянул, как подарок, Никитину: — Закуси. Запасся в самолете. И двинем вниз, к фрау Герберт.

Посасывая карамельки, они спустились на лифте в вестибюль и тут, среди ковров, впитывающих шаги, среди зеркал и полумрака, чуть подсвеченного матовыми плафонами, заметив приветливый кивок из-за стойки знакомого портье, уже расположенно сказали ему «данке» и вошли в ресторан, странно пустой, притемненный, на стенах неярко горели бра, за огромными окнами серел водянистый сумрак, липли к стеклам дождевые капли.

Госпожа Герберт, гладко причесанная, приведшая себя в порядок, губы подведены, вся опрятная в своем темном костюме, сидела за столиком подле окна, закинув ногу на ногу; она оторвалась от карты меню, встретила их улыбающимся взглядом.

— Господа, мы должны решить: что мы будем пить и есть?

— Что-нибудь легкое. Чуть-чуть нежирной ветчины, сыр, кофе, что-то вроде завтрака,— ответил Никитин и положил на скатерть сигареты, предложил фрау Герберт: — Попробуйте советские. Крепковаты, но ничего.

Она аккуратно отшлифованными ногтями вытянула сигарету из пачки, попыталась прочитать название, но не прочитала и засмеялась.

— О, русские!.. Я не люблю легкие, и вы, пожалуйста, попробуйте.— И пододвинула к нему немецкие сигареты.— Но главное — что же пить? Коньяк? Виски? Немецкую или русскую водку?

— Русскую водку полагается пить в Москве,— отозвался Самсонов тоном притворного глубокомыслия.— В Германии, надо полагать,— немецкую. Я не совершил ошибку, господин Никитин?

— Если ты и ошибся, то ошибся гениально,— сказал по-русски Никитин и смело перешел на немецкий: — Немного вашей водки, фрау Герберт. Вкус шнапса со времен войны я уже совсем забыл.

— О нет! Теперь это другая водка, с войны прошло так много лет, все изменилось,— возразила госпожа Герберт, виновато взглядывая на Никитина, и сейчас же обернулась в затемненный зал.— Герр обер!..

Метрдотель, неслышно возвысившийся неподалеку, занятый сервировкой столика, подошел мягкой походкой, принимая такое же неподобострастное почтение, что было давеча и на лице старшего портье, вопрошающе наклонил к фрау Герберт лысую, в обводе седых волос голову; его накрахмаленная грудь, черный галстук-бабочка подчеркивали выработанный аристократизм солидного ресторана, его белая холеная рука синхронно повторяла каждое слово фрау Герберт, автоматическим карандашом заскользила по блокнотику. Потом опять благородный наклон головы, и опять бесшумной походкой незаметно удалился он в ровную полутемноту безлюдного в этот необеденный час зала.

— Господин Никитин, ваш гамбургский издатель, о котором я писала вам в письме, надеется сегодня встретиться с вами у меня,— заговорила госпожа Герберт и поставила сумочку на колено.— Он просил меня заранее передать вам благодарность и... гонорар за последнюю вашу книгу. Три с половиной тысячи марок. Он, несомненно, мог бы заплатить гораздо больше. Но, к сожалению, между на-

Продолжение. См. «Огонек» № 45.

шими странами не существует авторской конвенции. Господин Вебер богатый человек и не из тех, кто легко расстается с деньгами.— Она смущенно улыбнулась и передала Никитину довольно толстый конверт, украшенный типографским готическим оттиском издательства «Вебер-Ферлаг», следом вытянула из сумочки еще два конверта потоньше, договорила:— И здесь от нашего литературного клуба карманные деньги, по восемьсот пятьдесят марок, вам, господин Никитин, и вам, господин Самсонов.

— Спасибо вам и моему издателю,— сказал Никитин.— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Это успокоительно.

— Миллионер, Рокфеллер, увезешь из Гамбурга запакованный в целлофане «мерседес».— Самсонов переложил деньги во вместительный бумажник, подумал и прицелился очками на фрау Герберт:— Интересно, а как же расходилась, то есть как раскупалась, последняя книга моего уважаемого коллеги?

— Была реклама, и книга разошлась как роман о советской интеллигенции в годы десталинизма. Господин Вебер хорошо знает, как можно вызвать интерес к восточному писателю, и умеет нажиться,— ответила фрау Герберт, в то же время наблюдая за Никитиным, который небрежно затискивал конверты во внутренние карманы, и внезапно спросила с растерянной заминкой: — Вы никогда не считаете деньги? Разве считать не принято в России?

— Принято и считаю,— сказал Никитин.— Но, кажется, мировой известностью пользуется немецкая аккуратность.

— О, это постепенно исчезает, господин Никитин.

— Даже в Германии?

— В России, наверно, плохо знают новую Германию.

Усталости сейчас не чувствовалось, как это было в машине на пути из аэропорта, и после выпитой рюмки коньяка в номере было ощущение начатого движения по течению, без насилия над волей, без напряжения, потому что все шло отлично, может быть, лучше, чем ожидал, и приезд и отель; и эти дурные деньги, присланные издателем, и деньги литературного клуба безоглядно освобождали его и Самсонова от унижающей бытовой стесненности. Кроме того, он теперь яснее понимал манеру речи фрау Герберт, милую медлительность ее интонации, теперь увереннее и решительнее справлялся с немецкими фразами — и было благодатное ощущение заграничного отдыха, заслуженного перерыва в работе, и не мучило разъедающее угрызение совести, что бывало дома в пустые дни, когда не находились точные фразы на измаранном листе бумаги.

Между тем официант ловко и быстро расставил на столе крошечные рюмки, на одну треть наполненные водкой, железные кофейники с изогнутыми по-восточному носиками, распространявшие шоколадный аромат кофе, маленькие фарфоровые молочники с горячим молоком, белые свежие булочки в корзинке, застеленной салфеткой, тонкие ломтики черного хлеба и на розетке квадратики масла, замороженные в холодильнике, покрытые капельками влаги.

И все это: ледяная, лишенная запаха водка («Ваше здоровье, госпожа Герберт»), и хрустящие булочки, намазанные маслом, и ветчина на пряно-сладковатом черном хлебе, и ароматный турецкий кофе, и пахучие пластинки сыра — показалось Никитину вкуснейшим; и он почти наслаждался какой-то бездумной физической своей легкостью, этим поздним завтраком, и этой тишиной пустого отельного ресторана, и беспрерывно моросящим ноябрьским дождем на гамбургской улице за окнами.

●

— Гамбург брали, если не ошибаюсь, англичане? Но любопытно — развалин нигде нет.

— Не брали, Платон, а вошли в сорок пятом. Предварительно разбомбили несколько кварталов и вошли весело и нетрудно. Бомбили — и потом заняли город, хотя тут им не сильно сопротивлялись. Разрушенные кварталы немцы, конечно, восстановили.

Дождь не переставал, нудно сеял над Гамбургом водяной пылью, серая мгла висела в воздухе. Скользкий тротуар сально блестел, мимо проносились, шелестели, отражались в асфальте отлакированные дождем железные стада машин; загорались то зеленым, то красным светом силуэты шагающих человечков на указателях светофоров, магически дисциплинируя скопления мокрых зонтиков и непромокаемых плащей перед границами переходов; неоновую бледность источало кренделеобразное «U» над спусками в метро; тускло зеленела трава бульваров, мокли в лужах ржавые листья, а по желтым островкам листьев бродили на газонах чайки, взъерошенные, озябшие,— пахло поздней осенью, было слякотно, промозгло, дышало сырой тяжестью близкого моря.

— Есть чему удивляться, Платон,— вполголоса говорил Никитин, мимолетно всматриваясь в буднично-спокойные лица прохожих.— Ходим мы с тобой по земле немецкой, откуда все началось, и, ей-богу, не верится, чтобы вот этот, например, добропорядочный дядя...— он взглянул на пожилого утомленного человека в клетчатом плаще, равнодушно покуривающего у дверей бара тоненькую, дешевую сигарку,— чтобы этот вот дядя во всю глотку орал «хайль» и стрелял в тебя или в меня под Сталинградом... Или вот этот?— И он опять перевел глаза на маленького, благодушного вида немца, приметного оттопыривающим пальто брюшком, который, выйдя из магазина, в одной руке держал зонтик над головой, а другой открывал ключом дверцу обляпанного грязью «фольксвагена» близ кромки тротуара.— Не похоже? Отец семейства, любитель пива, балагур, по вечерам усаживает детей на колени... Само добродушие. Мог он стрелять? Или расстреливать? Вешать? Вот штука, Платон, вот дебри...

— Кто же в конце концов орал «хайль» и стрелял? — заворчал Самсонов.— Все, оказывается, милые, добрые, прекрасные люди... Кто же стрелял?

— Не «кто», наверно, а «почему» и «зачем» — в этом суть.

— Вряд ли физиономии что-либо объяснят, Вадим. Наоборот, запутают.

— Посмотрим, посмотрим...

Возле каменно-прочного, дочерна закопченного вокзала с зажженной вверху синеватой буквой «S», с освещенными в утробе его огромными залами, похожими на магазины, Никитин задержался перед стеклянным газетным киоском, долго искал в пестро заваленной и завешенной иллюстрированными журналами витрине красочные суперобложки книг, поочередно читая заглавия вслух:

— «Кэнди». Роман о молоденькой девушке. «Убийство в Мадриде». Ясно. Что же у них в моде? Поправляй, Платон, если не так переведу. Франц Кафка уценен. Видишь? С 26 марок на 17. Чем объяснить? Недавний кумир Запада. Дальше — новинка в углу. «Письма Петэна жене из тюрьмы». Так, любопытно. Что этот субъект писал ей? «Тропик Рака» Генри Миллера. Эротический роман. Понятно. А это что? «Вторая мировая война». Уже интересно. Вот эту бы книжицу надо, Платон, перед отъездом приобрести.

— Погляди в правый угол на красный переплет,— сказал Самсонов, прислоняясь очками к стеклу витрины.— Цитатник Мао. Хо-хо! Рядом — «Умер ли Гитлер?». Интересно, кто покупает?

— Об этом надо спросить фрау Герберт. «Умер ли Гитлер?» тоже надо бы купить.

— Уверен? А таможня? Случайный осмотр? «Есть ли зарубежная литература?» И пошла писать губерния.

— Обойдется! Эти книги покупаются для личного пользования, а не для публичных библиотек. Все надо знать, абсолютно все.

— А что знать? Что не ясно? Кто стрелял, объясню. Все, Вадимушка, все, кому больше сейчас сорока двух. То, что некогда у нас писали о Гитлере: «сумасшедший», «бесноватый ефрейтор», «паралитик»,— объяснение неточное. А это была дьявольская личность, обладающая внушением. Когда он произносил речи, немцы, в особенности женщины, рыдали от восторга. Известно тебе?

— Ясно, ясно, да не совсем. Детали, существенные детали туманны, Платон, кто они, эти западные немцы, для меня, в общем, инкогнито. Унексплоред. Белое пятно. Кто они? Что они? Те ли они? До сих пор не могу забыть «бефель» о трех солдатских добродетелях. «Верь в фюрера, повинуйся, сражайся...» Ладно, посмотрим. Ни в какие музеи мы, конечно, не пойдем. Музеи затуманивают все к черту. Мы сделаем одно исключение. Посмотрим памятник погибшим и порт. Главное — лица, лица на улицах и глаза... Согласен?

— Принимаю.

— Тогда — айн момент, уточним, где памятник.

Никитин расстегнул зашелестевший плащ, достал из бокового кармана план города, взятый в отеле, посмотрел на сеть улиц, сразу обсыпанную мелкими каплями дождя по глянцу бумаги, сказал, пряча план:

— Далековато отсюда. Но потопаем пешком, Платоша. Согласен? Хочу поглазеть на улицы. Пострадаешь?

Подобно тому, как первоначальное расположение и нерасположение к незнакомому человеку определял в большей или меньшей степени внешний облик его, так и первое ощущение неизвестного города (и не только за границей) подчиняло Никитина доверчивой силе толкающего любопытства, и его тянули хаотичность живой толпы, кипение ее на тротуарах, теснота метро и трамваев, переполненные пивные, маленькие бары, шумные увеселительные кабачки, торговые улицы, где ежесекундно появлялись, мелькали, выражали внимание, заботу, равнодушие, улыбались, хмурились, возникали как бы из вечности и тут же пропадали навсегда чужие лица, обрывки недослышанной фразы, взгляд, смех, чей-то жест...

И это высекало в нем искру волнения, и это, казалось, разрушая нечто свое, личное, соединяло его со всеми впервые увиденными людьми, и вместе неудовлетворенно разъединяла непознанная скрытость их жизни, в которую хотел проникнуть и не мог. Может быть, поэтому он любил заглядывать в окна, мучаясь неутоленным угадыванием нераскрытого. Забыто незадернутая занавеска, тень женщины, расчесывающей перед зеркалом волосы в глубине комнаты («одна она, кто с ней, кто она?»), темные дворы, наполненные тишиной ночи, обшарпанные парадные, таинственные лестничные площадки, отзвучивающие гул дальних шагов, стук двери в верхнем этаже, городские автоматные будочки, сплошь исцарапанные по стенам номерами телефонов и именами, оставленная на сиденье пустой машины пачка сигарет или забытый развернутый журнал на бульварной скамье вызывали у него то чувство ожигающего прикосновения к загадочной человеческой жизни, какое испытал однажды еще в детстве, когда случайно нашел на улице кем-то потерянный кошелек, новенький, красный, сверкающий золотистым замочком. Кошелек этот с томительным ожиданием непонятной вины был спрятан им в сарае-голубятне на заднем дворе за поленьями березовых дров. И иногда, сидя в полосах солнечных стрел сквозь щели, в душном запахе перьев и помета, он часами разглядывал кому-то принадлежавшие вещицы — мизерный перочинный ножичек, аккуратно сложенные три рубля, тюбик красной сладковатой на вкус помады, стертой сбоку о чьи-то губы, и, переживая тайное волнение, представлял эти вещи в чьих-то руках, представлял лицо, фигуру, голос незнакомой женщины. Он видел ее молодой, грустной, такой же изящно красивой, как и перламутровый ножичек, одинокой в своей комнате, где окно выходило на кирпичную пожарную стену, обогретую ранним солнцем по утрам. Но эта воображаемая им женщина не была похожа ни на одну из женщин в их доме и во всем замоскворецком переулке, у нее не было отличительных черт лица, фигуры, походки, она была лишь красивой, молчаливой, печальной, окруженная полутенью прохладной уютной комнатки, в которой должны быть старинный комод и зеркало. И тогда он воображал, как воровски летним утром подкрадывается к раскрытому окну незнакомки и бросает на розовеющий подоконник этот маленький красный кошелек, сохранивший ножичек, губную помаду и три рубля, и, весь млея от рыцарского восторга, слышит ее изумленный вопрос: «Кто там?»

То детское неудовлетворенное любопытство давно было забыто в подробностях Никитиным, оставалось тихим, смутным отсветом, однако в зрелые годы жажда узнавания скрытой

чужой жизни приносила ему почти болезненное удовольствие.

— Вот он,— сказал Самсонов.— Читай. «В память солдат и офицеров, погибших и пропавших без вести во вторую мировую войну. 1939—1945 годы». Дальше: «Германия останется, если даже мы все погибнем».

— Что ж, сильно сказано,— проговорил Никитин.— Давай-ка рассмотрим, Платон.

Этот памятник был тяжел, мрачен, чернел смоченным дождем камнем, немо, угольно выступали очертания барельефов, будто размытые темнотой ночи силуэты солдатских фигур, шагающих куда-то плотным строем — в ад или небытие; оружие, каски, едва различимые без выражения глаз смертные лица. Внизу на каменных плитах угрюмо отблескивали темные железные венки, стояли рядом свежие венки из цветов, прилипали к земле под дождевой пылью траурные ленты с белой и аспидно-черной бахромой, зловеще проступали на них знаки мальтийских крестов и лежали среди железных венков целомудренные астры, нежно-красные гвоздики, каплями крови обронившие на грязные плиты лепестки, расползшиеся по готическим надписям на венках:

«От солдат, воевавших в 225-й пехотной дивизии», «От резервистов бундесвера», «От бывших летчиков», «От бывших танкистов».

И вдруг пахнуло на Никитина железистым запахом земли, и будто послышались явственно какие-то голоса, разрываемые пулеметными очередями, чей-то вопль «Танки-и!», вырвавшийся из знойного пульсирования солнца, нанесло удушающим жаром горячей брони, возникшей черным боком в прицеле, его всего оглушило ревом танковых моторов, и разом тошнота подкатила к горлу, вызванная сладковатым, как трупная вонь, густым наплывом синтетического бензина, ударами пороховых газов...

«Галлюцинация»,— подумал Никитин, не в силах отделаться от ощущения боли в ушах, толчков подбрасываемого выстрелами орудия и от знакомого хрипловатого голоса, просторной, обнажавшей молодые зубы улыбки, дрожания белых коровьих ресниц командира второго взвода Шиканова, чей перерубленный наполовину голый атлетический торс теперь висел на ветвях сосны, напоминая подвешенную розовую тушу. Он видел: что-то ужасающе красное обрызгало, стекало по щиту поковерканного орудия, впитывалось в белый накаленный песок вблизи тихой реки Псел, вспыхивающей справа под нестерпимым солнцем. Танки пошли в атаку по левому берегу, и взвод Шиканова первым занял позицию на опушке урочища и не успел окопаться, открыл огонь, опередив на два снаряда взвод Никитина.

А вечером в занятом городке Гадяче пили после боя трофейный ром, и Никитин в каком-то беспамятстве кричал удивленному командиру батареи, что это его взвод, Никитина, должен был занять позицию на опушке и стрелять первым, и Шиканов был бы жив. Он как бы оправдывался перед случайностью и перед собственным роковым везением. В ту пору он еще не понимал, что на войне никто не может обогнать, обойти, замедлить или перехитрить судьбу. Судьба Шиканова, мстя за поспешную неточность, настигла его и сделала беспощадную зарубку на миге вечности острым топориком смерти. Это мщение было предупреждающей казнью, которую суждено было видеть Никитину несколько раз и в других вариантах и которая все же не научила его благоразумию до конца войны,— молодости не свойствен опыт выверенного расчета. Но спустя много лет он не раз просыпался в холодном поту — во сне судьба заносила над ним свой мстящий топорик и опускала его на другого, на метр ближе или дальше. И тягостно было при воспоминании лиц и голосов погибших во время танковых атак — война неотделимо связана была с этим чудовищным и лживо-лицемерным выбором взвивающегося над головами топорика.

— Ты что нахмурился? — прозвучал голос Самсонова.— О чем думаешь? Пошли отсюда. Достаточно.

— Подожди. Посмотрим...

Никитин все глядел на распластанные, примокшие к темным плитам лепестки цветов, на колючее и влажное железо венков, облепленное кладбищенски поникшими лентами, и от

этих овлажненных цветов на камне, черных мальтийских крестов на лентах, мокрого крепа повеяло липким запахом чужой смерти, сгущенной трупной гнильцой из чащи, как бывало когда-то в осенних лесах, на раскисших дорогах, затянутых косым дождем, стучащим по папоротникам над канавами, на краях которых виднелись вдавленные в размытую глину немецкие коробки противогазов, сплющенные плоские котелки, перевернутые, налитые грязной водой каски. Тот липкий, трупный запах лесных дорог забивал ноздри, не давал дышать.

«Так что же это? — подумал Никитин с отвращением и неприязнью к самому себе.— Не могу побороть? Не могу забыть? Это сильнее меня? Почему я не могу представить другую смерть — немецкого солдата, слезы его матери, жены, невесты? Почему это не вызывает во мне никаких чувств?»

Осторожные шаги приблизились сбоку. К памятнику подошел сухощавый мужчина, высокий, в приталенном сером пальто, без шляпы, седеющие волосы причесаны на пробор, сухое, выбритое лицо было тускло, неподвижно, он одним пальцем поправил перекрученную ленту венка, где по траурному крепу белела готическая надпись «От солдат, воевавших в 225-й пехотной дивизии», и, склонив голову, стоял так несколько секунд в позе задумчивости.

«О чем думает этот немец — о бывших победах и поражении? О погибших однополчанах? По виду ему можно дать лет под пятьдесят. Значит, воевал. Где? На западе? На востоке?..»

И Никитин, подталкиваемый любопытством, готов был спросить, не приходилось ли ему воевать на Восточном фронте против русских в составе 225-й дивизии, но немец вроде бы почувствовал на своем лице внимание и, обведя Никитина непропускающим, холодным взглядом, пошел прочь от памятника; спину его плоско облегало модное осеннее пальто.

«По возрасту бывший гауптман или майор»,— подумал Никитин, он знал, что мог ошибиться, и тем не менее, продолжая угадывать, представил спину этого немца, затянутую в офицерский мундир, и спросил Самсонова, который протирал носовым платком стекла очков:

— Кто, например, этот? Видел, как он поправлял ленту?

— Немец, который стрелял в тебя,— досадливо ответил Самсонов.— Солдат — руки в крови. Тоска по силе и — «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес». Заметил выправку? Ого! Вон еще один. Не сомневаюсь, будущий сын бундесвера, кто-то дома исподтишка внушает мысль о былом величии третьего рейха.

Никитин посмотрел на подошедшего мальчика лет одиннадцати, в коротких штанишках, в белых, измазанных грязью гольфах; мальчик этот, лениво пожевывая резинку, начал бесцеремонно ходить по каменным плитам, балансировать, как на спортивной площадке, его желтые ботинки мяли рассыпанные лепестки венков; потом он напряг круглую попку, тонкие икры, подпрыгнул, коснулся рукой выпуклого ствола пулемета на барельефе и сейчас же, надув на губах пузырь жевательной резинки, спрыгнул с плит, вразкачку зашагал к усыпанному островами листьев пруду за оградой, где пронзительно визжали чайки. Их резкий, скандальный визг на затемненной серовато-туманцем воде был возбужден чем-то; чайки по-змеиному хищно нацеливали клювы, гонялись друг за другом вдоль берега, суматошно били крыльями, и стая медлительных уток, вертя шеями, отплывала от них, покачиваясь на воде меж палых листьев. Мальчик же в запачканных грязью белых гольфах шел по кромке берега, мимоходом махал ногой на чаек и все надувал и надувал пузырь вытянутыми губами, пока он не лопнул. Никитин сказал:

— Том Сойер... Похож?

— Немецкого происхождения,— поправил Самсонов.— Ну, двинем дальше. Здесь ясно. На знаменитый Реепербан поедем? Или опять потащимся пешком? Ты не размок, Владимушка?

— Доедем под землей, черт с тобой.

Накрапывал дождь. Они спустились в промозглый сквознячок метро, в запах отсыревших плащей и зонтиков.

Продолжение следует.

МОЯ ТУР

Пигам АЗИМОВ,
президент Академии наук Туркмении, депутат Верховного Совета Туркменской ССР

Если спросят меня, что изменилось в моей родной Туркмении за годы Советской власти, отвечу, как наш писатель Берды Кербабаев: все!

Бедность нашего народа, пожалуй, ни с какой другой не могла сравниться. В тридцатые годы писатель Петр Павленко сообщал в своей корреспонденции: «В простой и жесткой туркменской стране, одной рукой отодвигающей от себя пустыни, а другой строящей новую жизнь, народ так беден, как никогда не был беден русский крестьянин».

Время, которое описывает Павленко, действительно было трудным. Хотя уже в 1924 году образовалась Туркменская Советская Социалистическая Республика, дехкане получили землю и воду, но массовая коллективизация началась только в 1930 году. А до этого во многих аулах беднота работала на богатеев. В те годы я еще сам пас овец у бая.

Однажды, было мне тогда 14 лет, потерялась у меня одна овца из отары. Испугался я, и убежал из байского дома, и не знал, что дальше делать буду... Тут повстречался мне односельчанин, который с самой революции ушел из аула. Остановил он меня, выслушал и говорит: «Ну ладно, все это уже в прошлом. Хочешь учиться?» «Хочу»,— говорю. А сам еще и не понимаю, хочу или нет. Только знаю: все лучше, чем батрачить. Увез он меня в Чарджоу, где тогда организовался техникум. Много нас съехалось, бедняков из разных аулов, и началась моя новая жизнь. С огромной благодарностью вспоминаю заведующего учебной частью техникума Владимира Несторовича Лошака. Прекрасной души человек — скольким неграмотным детям помог он выйти в жизнь образованными людьми!

И еще один памятный день в моей жизни — сентябрь 1933 года. Я уже работал в своем родном ауле Човдур счетоводом. Приехал к нам председатель Совнаркома республики К. Атабаев, личность в то время самая любимая и популярная. Это о нем написал Берды Кербабаев роман «Чудом рожденный». Мы, молодежь, с обожанием смотрели на него. А он, такой высокий, стройный, жизнерадостный и необычайно обаятельный человек, подозвал меня и говорит: «Пойдешь дальше учиться?» Я, конечно, тут же согласился. Так я стал студентом Ашхабадского педагогического института.

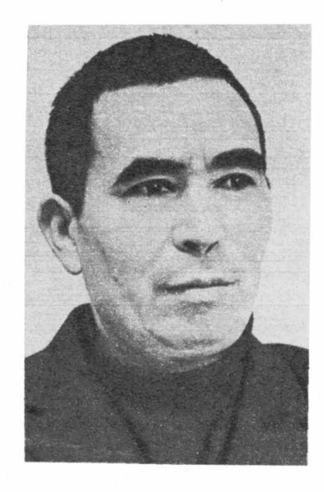
Привожу эти факты из моей биографии, потому что они типичны для того времени. Ведь Советская власть поставила цель создать национальные кадры в области культуры, науки и народного хозяйства. Сначала специалистов готовили на различных курсах, рабфаках, а уже в 1930, 1931, 1932 годах были созданы первые высшие учебные заведения — сельскохозяйственный, педагогический, медицинский институты.

И надо сказать, за короткий исторический срок — полвека — туркменский народ сделал удивительный, беспримерный скачок в культурном и историческом развитии. Ведь до революции на тысячу туркмен приходилось лишь семь грамотных, а букварь был единственной книгой на туркменском языке!

Сейчас у нас в республике в школах, средних и высших учебных заведениях обучается около 700 тысяч человек, 127 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием, а в школах работает свыше 30 тысяч учителей.

Слова «учитель», «врач», «инженер», «ученый», «писатель», «композитор», «драматург» сегодня привычно звучат на туркменском языке. Произведения многих наших писателей отмечены Государственными премиями. В 1973 году республиканские издательства выпустили 374 названия книг тиражом в 5 миллионов 133 тысячи экземпляров.

Особо хочется сказать о наших женщинах. За годы Советской власти туркменская женщина стала полноправным членом общества. Со-

Аллаберды ХАИДОВ

КОЛОДЦЫ

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК ЖИЛ

Сто лет назад, наверно,
А может, девяносто,
Хороший человек жил,
Жил на моей земле.

Любил он песни. Сказки
Рассказывал искусно,
Но более, чем это,
Колодцы рыть любил.

Бушует в небе солнце
Иль вьюга хлещет жестко,
Работал он, не зная
Ни отдыха, ни сна.

Киркой рубил он землю
На сто шагов и двести,
И находил он воду
Холодную всегда.

ССР И КОМПАРТИИ ТУРКМЕНИСТАНА

КМЕНИЯ

рок процентов всех работающих в народном хозяйстве — женщины. Сто одиннадцать женщин избраны депутатами Верховных Советов СССР и ТССР, шестьдесят три удостоены звания Героя Социалистического Труда. И многие, многие работают учителями, врачами, овладевают самыми разными профессиями, о чем раньше помыслить не смели.

Одним из выдающихся достижений туркменского народа в социалистическую пору его истории является возникновение и развитие науки в республике. Ее становление тесно связано с общим процессом социалистического переустройства экономики, общественной жизни и культуры. Достаточно сказать, что сейчас в Туркмении 60 научно-исследовательских учреждений, где трудятся 4 120 научных работников, из них — около 1 600 кандидатов и докторов наук.

Знаменательным событием в культурной жизни стало учреждение в 1951 году республиканской Академии наук.

В первые годы Советской власти в Туркмении главным образом развивались гуманитарные науки, так как при почти сплошной безграмотности начинать надо было с народного образования. С созданием Академии наук ведущую роль получили и естественные науки. Наши ученые — физики, химики, биологи, медики, геологи, геофизики — работают и над теоретическими проблемами и активно участвуют в решении хозяйственных задач республики.

В частности, биологами выведен знаменитый сорт тонковолокнистого хлопка. Геологами и гидрогеологами составлена гидрологическая карта Туркменистана, на основе которой строятся ирригационные сооружения, разработан проект переброски вод Амударьи в районы Мургабского, Теджанского оазисов и далее. Геофизики, сейсмологи, исследуя глубины земной коры, составляют методику предсказания землетрясений.

Уникальные исследования по преобразованию солнечной энергии проводятся в Физико-техническом институте. Здесь созданы промышленный солнечный опреснитель, приборы для исследования нефтепродуктов, новые полупроводниковые материалы. Но не только земные проблемы волнуют наших физиков — они ведут наблюдения за далекими галактиками и за околоземными метеорными потоками. Химики создают новые полимеры, изучают свойства нефти. Ими установлено, что нефть восточного побережья Каспия является прекрасным сырьем для получения белково-витаминных концентратов.

Но особенно важны для жизни республики исследования ученых, занимающихся проблемами пустыни. У нас даже создан специальный Институт пустынь, с работой которого уже ознакомились специалисты 17 стран, в том числе и группа ученых Каирского института пустынь.

Наши ученые оказывают помощь развивающимся странам: в разработке мероприятий по защите строящейся железной дороги в Ираке от песчаных заносов, в составлении карт растительности пустынных территорий Алжира, в организации исследований по использованию солнечной энергии...

И необходимо здесь сказать, что во всех наших успехах огромная заслуга деятелей науки братских республик, особенно великого русского народа. Помощь эта видна во всем. На строительство Каракумского канала съехались представители 36 национальностей. Сейчас это уникальное гидротехническое сооружение — «Река счастья», как называют его в народе,— протянется на 1 400 километров, до самого Каспия. В 30-е годы приехала в Туркмению бригада ученых-медиков с Украины. Они помогли организовать медицинские научно-исследовательские учреждения, ликвидировать инфекционные заболевания... Более тридцати лет назад молодым специалистом приехала к нам Нина Трофимовна Нечаева. Ныне она заслуженный деятель науки ТССР, академик, Герой Социалистического Труда, один из ведущих геоботаников Союза. В 1923 году приехал в Ашхабад филолог Александр Петрович Поцелуевский и посвятил всю свою жизнь делу культурного развития туркменского народа. Он стал создателем школы туркменских языковедов. Я считаю его своим учителем и горжусь совместной работой с ним.

...Каждый раз, когда я приезжаю в свой родной аул, я радуюсь, видя, как изменилось все вокруг: асфальтированные дороги, антенны

телевизоров, дома под черепичными крышами вместо жалких лачуг, в которых мы выросли. Светлая, просторная школа, чуть ли не у каждого дома машины. А вокруг — там, где, кроме колючек, ничего не росло,— раскинулись сады.

Односельчане мои — люди грамотные, образованные, работают на фермах, в школах, в поле. Кто бы мог представить, что я, Пигам Азимов, стану академиком, Ягмур Полатов будет руководить энергетикой всего Туркменистана. А женщины! Тоты Розыева — геолог, окончила Туркменский государственный университет, где я был первым ректором. Гюльджама Ачилова, моя ученица,— кандидат филологических наук. По этим биографиям можно прочесть судьбу всего туркменского народа. Аул мой, впрочем, как и любой другой в республике, полностью обеспечен своими кадрами — и агрономами, и учителями, и врачами.

Отмечая золотой юбилей — 50 лет Туркменской Советской Социалистической Республики, мы всегда помним, что наши достижения — это плоды осуществления ленинской национальной политики, политики Коммунистической партии нашего государства и плоды братской дружбы и сотрудничества народов Советского Союза.

Работал он за плату,
Не только за «спасибо»,
Но более, чем деньги,
Колодцы рыть любил.

Сто лет тому, наверно,
А может, девяносто,
Хороший человек жил,
Жил на моей земле.

Он вечно рыл колодцы,
Глубокие, как небо,
И напоить мечтал всех
Студеною водой.

И время сохранило
В песках его работу,
Не замело ветрами
Живую глубину.

Останется в пустыне
О человеке память,
Который больше жизни
Колодцы рыть любил!

ПУСТЫНЯ

Скажите, где предел пескам,
Скажите,
Какими мне дорогами идти?!
Просторнее простора я не видел,
Длинней дороги не встречал в пути.

Клянусь я чутким сердцем,
Что поныне
Увидел все, нигде я не встречал
Прекрасней звезд, чем над моей пустыней,
Которые сияют, как кристалл.

Да, в целом мире
Я весны не встретил
Да и не встречу, честно говоря,
Такой, чтоб полыхала на рассвете
Земля в цветах, как алая заря.

Приветливых людей,
Должно быть, много,
Должно быть, в мире их не перечесть,
Но не встречал я на моих дорогах
Нигде людей приветливей, чем здесь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я был в горах,
В ущельях был, где ныне
Прохлада прячется от зноя и ветров,
Там стойбище пушистых облаков!
Но я вернулся все-таки в пустыню.

Я был на море,
Я купался в море,
Меня морская омывала синь.
Но как ни упивался тем простором,
Я все ж вернулся к бархату пустынь.

Я видел город,
Словно на картине,
Где каждая деталь разложена умно.
Как ни пленяло это полотно,
Но не сменял я на него пустыни.

Я ни на что не променял пустынь
С их тишиною и томящим зноем,
Ведь я навеки их счастливый сын,
На них я был замешан и настоян!

Перевел с туркменского
Борис ПРИМЕРОВ.

КОВЕР, СОТКАННЫЙ

Акджемал ОМАРОВА

ПОЭМА

I

Одной стороной — у гор,
Другой — у песчаных гряд
Раскинулся широко
Город мой Ашхабад.
Айлантуса и арчи [1]
Зеленая бахрома.
По пояс в прибое их
Тонут его дома.
В акациях, в тополях
Каждый жилой массив.
Немало больших садов,
И каждый из них красив.
Но в этот и стар и млад
С цветами всегда спешит,
Как в самый любимый сад,
Где в бронзе Ильич стоит.
Здесь яркий для Ильича
Постлан ковер у ног,
Но тонкий узор ковра
Не ткацкий соткал станок.
Не лучший крученый шелк,
Не шерстяную нить
Взяли, чтоб тот узор
В столетиях сохранить,—
С рукой, простертой к заре,
К далям грядущих дней,
Стоит Ильич на ковре,
Сотканном из камней.

II

Сотканный из камней
У ног Ильича ковер —
Земли каракумской дар,
Дар Копетдагских гор.
Крепкий, как адамант [2],
Камень цветной зернист,
Переливаясь в нем,
Горят мириады искр.
Так, солнцем озарена,
Искрится гладь воды,
Так россыпью всех цветов
Блистают весной сады,
Так светится Ашхабад
Радугами огней —

[1] Арча — название можжевельника в Средней Азии.
[2] Адамант — старинное название алмаза.

Вот он каков, ковер,
Сотканный из камней!

Сотканный из камней,
Этот ковер не прост.
Вглядись и увидишь в нем
Отсвет луны и звезд,
Увидишь наших небес
Чистую бирюзу,
Молний слепящий блеск
И мартовскую грозу.
Услышишь: поет арык,
Светел и говорлив,
Рисунок того ковра
Зигзагами поторив.
Расскажут тебе о том
Красочные тона,
Чем славится, чем красна
Туркменская сторона,
Как шли в борьбе и трудах
От жизни, в песках, скупой
К сегодняшним светлым дням
Ленинскою тропой...

События минувших лет
Сквозь камень цветной сквозят,
Ведь соткан этот ковер
Полвека тому назад.

III

Полвека тому назад
В ночь обратился день,
Когда потеряли мы
Величайшего из людей.
Казалось, не жить земле,
Казалось, солнцу не жить
Казалось, рушится дом
И вновь его не сложить.
Траур черной каймой
Струился по кумачу,
Полнился шар земной
Скорбью по Ильичу.
Горе сковало мир,
Стужей в сердца дохнув,
Стаями черных птиц
Небо перечеркнув.
Шушенское в снегах
Замерло у Саян,
Смольный застыл, вождя
Помнивший по боям,
Серый гранит Невы
Изморозью оброс.
Труженики Москвы
Шли, не скрывая слез.
Крестьянин в треухе шел,
Рабочий шел и солдат;
Над медью оркестров плыл
Гром аппассионат...

Пришла эта весть и к нам,
В аулы степной земли,
Заставив тельпек [3] склонить
Дехканина-яшули [4].
И все же о смерти весть
Как ни была горька,
Она не сломила дух
Ни юноши, ни старика.
Взглянув на вершины гор,
Одевшиеся в снега,

[3] Тельпек — национальный головной убор, папаха.
[4] Яшули — старший. Почтительное обращение к старшему.

Сердце свое открыл
Людям Хидыр-ага.
Сказал землякам старик,
Высок и седобород:
— Ленин в делах его
Бессмертен, как сам народ!

IV

Останется на века
Правда ленинских слов!

...Курятся вершины гор —
Зимой Копетдаг суров.
У горных подножий степь
Раскинулась, широка.
Съехавшийся народ
Слушает старика...

Со спутником в Ашхабад
Спеша, на закате дня
Айтаков [5] прибыл в аул.
Сошел Недирбай с коня.
С народом потолковав,
Гостем в кибитку он
К теплому очагу
Хозяином приглашен.
Вспыхивает в очаге
Пламя арчевых дров,
Женщина в кетени [6]
Вносит на блюде плов.
Стянута яшмакcм [7]
Кос тугих седина.
Гостю отдав поклон,
Так говорит она:

— Будь, Недирбай, здоров!
Ты славен своей борьбой.
Ты молод... Осилишь ты
В горах перевал любой...
То, что другим невмочь,
Айтакову — по плечу...
Дехканок наказ тебе
Я передать хочу.
Отныне нашу сестру
Нельзя продавать, как вещь,—
Так Ленин сказал... Его
Образ увековечь!

V

...Памятник Ильичу —
Айтаков и сам мечтал,
И только не знал, каким
Должен быть пьедестал.
Мрамор или парфир
В Туркмении негде взять...
Пустыня — песок да пыль,
А горы — сплошной базальт.
Немало цветных камней,
Но камни эти мелки...
Соль да полынь... Песков
Желтые языки.
Как время, течет песок...
Кочевники с давних пор
Камни для очага
Брали в ущельях гор.
На стойбищах и теперь

[5] Айтаков Недирбай — первый председатель ЦИК Туркмении.
[6] Кетени — национальная одежда туркменки.
[7] Яшмак — платок замужней женщины.

Встретишь, свернув с тропы,
Ступы и жернова,
Каменные серпы.
Камнем секли камыш,
Жали в полях зерно,
Камнем в ступе толкли
Сытное толокно.
Людям в домах светил
Благодаря горам
Каменный, с фитилем,
Светильник по вечерам.
Без камня попробуй жизнь
Представить себе на миг...
Камнем, чтоб не вилял,
Обкладывали арык.
Спешили в базарный день
Женщины на базар,
К лавке, где ювелир
Камни на нить низал,
Опиливал и гранил...
И радовали глаза
В оправе из серебра
Рубины и бирюза.
Камень шел для жилищ,
Поил, кормил, украшал,
А пущенный из пращи,
Противника сокрушал...

Так мысленно Недирбай
Окидывал даль времен.
Солдат, большевик, трибун —
Художником не был он.
Каменным, но каким
Должен быть пьедестал?

О спутнике вспомнив вдруг,
С кошмы Недирбай привстал.

VI

С кошмы Недирбай привстал,
О спутнике вспомнив вдруг:
Куда запропал Андрей,
Зодчий, художник, друг?
Полон его блокнот
Эскизами... Но когда ж
Решенье свое найдут
Краски и карандаш?

Занятый уймой дел,
Работою и борьбой,
Все-таки Недирбай
Зодчего взял с собой.
Чтоб не было в их краю
Для северянина тайн,
Объехали вместе всю
Туркмению, почитай!
Сначала не знал Андрей,
Что здесь для палитры взять:
Пустыня — песок да пыль,
А горы — сплошной базальт!
— Не важничай! Где еще
Небо таких тонов? —
Посмеивался Недирбай
На стане, среди холмов.

Но, кажется, убедить
Художника не сумев,
Айтаков повез его
Поездом в Старый Мерв [8],

[8] Мерв — старинное название города Мары.

ИЗ КАМНЕЙ

В Мерв, где возвел себе
Гробницу султан Санджар...
Гость красоты такой
И не воображал:
Каменная резьба,
Плиток цветных глазурь,
Смальта и алебастр,
Киноварь и лазурь...
Росписи... Всех красот
Дивных не перечесть!

Потом они обошли
Аннаускую мечеть.
Встретился им дворец
Девушек... Словно быль
Давняя, ожила
В камне судьба рабынь.
Словно бы чей-то крик
В стену замуровал
Мастер, и этот крик
Из прошлого к ним взывал.
Не согревал души
Узором холодным ганч [1]...
Прошли друзья к чайхане,
Где тень бросал карагач.
Под кровлей, как век назад,
Картинки одни и те ж:
Лежа, курил терьяк [2]
Оборванный терьякеш [3],
На земляном полу
Попыхивал самовар.
Молитву творил хаджи [4],
Чайханщик чай разливал.
Грудились перед ним
Над пиалой пиала,
Как храмов или дворцов
Маленькие купола...

Художник и комиссар
Решили тогда: не та,
Что ищут они, палат
Минувшая красота,
С визирем и палачом,
С евнухом у дверей...

Место у очага
Занял, войдя, Андрей.

VII

Занял, войдя, Андрей
Место у очага,
Следом за ним вошел
В кибитку Хидыр-ага —
Хозяин и старожил
Этой степной земли...
Невольно к беседе их
Прислушался яшули.
У зодчего взяв альбом,
Рисунки перелистал,
Мудреное уяснил
Название — «пьедестал».
Подумал: вот Ильича
Увидеть бы довелось,
Вот если бы вдруг Ильич
В кибитку вошел, как гость.
Приветствуя гостя, он
В очаг бы подбросил дров,
Постлал бы у очага
Лучший из всех ковров.
Недаром считал народ,
Что нет ничего в миру
Равного красотой
Сотканному ковру.
Прекраснее ничего
Не знает Туркменистан.
Тонкий узор ковра
Украсил бы пьедестал...

Наструганная щепой,
Горит в очаге арча...
Сказал Андрею старик,
Коснувшись его плеча:
— Пройдем-ка, Андрей-ага,
Посмотришь, как ткет
Дженнет,
Искуснее, чем она,
Ковровщицы, верно, нет.
Была мастерицей мать
Ее в молодых годах...
А вдруг да их ремесло
Поможет в твоих трудах?
И зодчего за собой,
Откинув кошму, повел:
— В кибитке соседней дочь
Заканчивает ковер.

VIII

Заканчивает ковер
Дженнет на простом станке.
Мелькает челнок, стучит
Гребень в ее руке.
Искрятся две косы,
Сбегающие по плечам...
Умницею слывет
Дженнет среди аулчан:
В ткачестве превзошла
Многих своих подруг,
В целой округе нет
Искуснее этих рук!
Тоскливо гудит буран
В зимние вечера...
Но пламенны и нежны
Узоры ее ковра.
Светло у ней на душе,
Движенья ее легки,
За узелком узелок,
Завязывает узелки —
Словно подряд кладет,
Как в детстве, в степи
родной,
Песчинку своей земли
К песчинке она цветной.
Как искра, песчинка тут
Каждая дорога...

В кибитку Дженнет вошли
Андрей и Хидыр-ага.
В светильнике жир горит,
Колеблются тень и свет...
Глядит на ковер Андрей
Из-за спины Дженнет.
Художник, на месте он
Замер, дохнуть боясь:
Краски сочны, сложна
Узоров ковровых вязь.
Казалось, в узорах тех
Сказка и быль сплелись.
Казалось, стены шатра
Раздвинулись, раздались.
И стала понятна вдруг
И стала близка ему
Земля золотых песков —
От Каспия до Аму.
Недаром степной узор
Художника изумил:
Туркмения перед ним
Свой распахнула мир!
Он оком окинул даль
Былых и грядущих лет...

— Искусство,— сказал
Андрей,—
Чудесно твое, Дженнет!
Спасибо! Покамест жив,
Я буду помнить о нем...

Айтаков Андрея ждал
В кибитке перед огнем.
И зодчий, подняв кошму,
Вошел в освещенный круг.
— То, что искали мы,
Найдено мною, друг!
Теперь в Ашхабад пора,
Время пришло творить.

В камне узор ковра
Попробуем повторить...

IX

«Попробуем повторить
В камне узор ковра...»

И в город
Каменных дел
Съехались мастера.
Съехались — пьедестал
Для Ильича сложить.
И долю каждый свою
В дело спешил вложить.
С подмостков летели вдаль
Их зычные голоса...
Вот убраны наконец
Строительные леса.
Ушли мастера, собрав
Нехитрый свой инструмент...

С тех пор и стоит в саду
Бронзовый монумент.
С гвоздиками в этот сад
Приходят и млад и стар
На памятник тот взглянуть,
На красочный пьедестал.
И видят: для Ильича
Постлан ковер у ног,
Но тонкий узор ковра
Не ткацкий соткал станок.
Не лучший крученый шелк,
Не шерстяную нить
Взяли, чтоб тот узор
В столетиях сохранить —
С рукой, простертой к заре,
К далям грядущих дней,
Стоит Ильич на ковре,
Сотканном из камней.

Перевел с туркменского
Юрий ГОРДИЕНКО.

---

[1] Ганч — особый вид алебастра.
[2] Терьяк — опиум.
[3] Терьякеш — курильщик опиума.
[4] Хаджи — паломник, побывавший в Мекке.

Керим
КУРБАННЕПЕСОВ

Радость

* * *

Весной цвели сады,
гранаты зрели летом,
плодами садовод
отнюдь не обделен.
Я в этом же краю,
как бы насквозь прогретом,
на этой же земле
был матерью рожден...
Я рос, и я мужал,
и на пороге — осень.
И вновь, как садовод,
страды осенней ждешь.
Глядишь, и у меня, наверно,
скоро спросят:
«Велик ли урожай,
что нынче соберешь?»

* * *

Уж коли радуешься ты —
так радуйся сполна,
как будто радость всей страны
в тебе заключена.
А уж когда горюешь ты —
горюй за весь народ,
как будто горе всей страны
на части сердце рвет...

КОНТРАСТЫ

Сгустилась туча, черная, как сажа.
Ее прорезал молнии зигзаг.
Гром рявкнул, прокатился в диком раже
И вновь притих — до будущих атак.
Но небо стало вспыхивать все чаще,
Гром, как из пушек, яростно палил.
И, наконец, по ребрам крыш стучащий,
Веселый дождь как из ведра полил.
И горожане радовались: «Дивно!
Все улицы умоются дождем,
И все деревья примут душ под ливнем...
Хоть в кои веки свежести вдохнем!»
А у сельчан зато на сердце горько,
Им этот ливень — словно божий гнев:
Земля покроется сплошною коркой —
Погибнет хлопок, пропадет посев...
Укрылся парень с девушкой: удача!
«Пусть,— думает,— до самой ночи льет!»
Зато другой парнишка чуть не плачет:
«Дождь не пустил... Теперь уж не придет!»
А чабаны ликуют, прямо пляшут:
Такыры вновь наполнятся! И вот,
Чтоб капельки не испарилось даже,
Они идут на сбор небесных вод.
Но дождь прошел, и туча растворилась,
И снова солнце знай себе печет!
К одним, согрев, оно проявит милость,
Зато других в холодный бросит пот...

Перевел с туркменского
Игорь МИХАЙЛОВ.

Ю. ЛУШИН,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

РАДУГА КАРАКУМОВ

Каракумы — Черные Пески... Черные — потому, что несли людям беду. Нищая, впроголодь жизнь, сожженные зноем поля, высохшие колодцы и реки...

Но настало время, и весь мир с удивлением увидел, как Черные Пески расцветились целой радугой новой жизни, как вдруг ожили бесплодные, мертвые доселе пустыни, принося туркменам богатство, радость и счастье. Посмотрите на многоцветье этой радуги, и вы убедитесь, что любой цвет в сегодняшней пустыне, даже черный,— это тоже цвет радости.

БЕЛЫЙ

Восточный ветер ударил в лицо. Он не принес облегчения, наоборот, сгустил зной до такой степени, что, казалось, его можно потрогать руками. Белая соляная пыль с промыслов повисла в воздухе, закрыла тонкой кисеей горизонт, солнце, людей, сульфатосборочные машины на шестом озере. На мир стало трудно смотреть.

— Кара-Богаз задышал,— меланхолически заметил мой товарищ и спрятал бесполезную фотокамеру.— Теперь не скоро успокоится.

Черной славой были овеяны белые берега этого залива. Ничто живое не терпело его мертвой воды — ни рыба, ни зверь, ни человек, хотя вливалась в него через пролив целая река светло-зеленоватой живой каспийской воды. Вливалась и... бесследно исчезала. Туркмены и казахи, сотни лет кочевавшие вдоль восточного берега Каспия, верили, что в дне залива разверзлась пучина, через которую вода моря уходит неведомо куда. Потому и нарекли кочевники залив Кара-Богаз-Голом — Черной пастью. Горе лодке или кораблю, попавшим в его воды: засосет их Черная пасть и следа не оставит...

Но еще в XIX веке Григорий Карелин, первым из ученых проплывший на лодке по заливу, высказал предположение, впоследствии полностью подтвердившееся, что каспийская вода не исчезает в какой-то пучине, а простонапросто сильно испаряется. Действительно, окруженный со всех сторон раскаленными песками Каракумов, Кара-Богаз-Гол походит на грандиозный котел, в котором выкипает каспийская вода. При этом «кипении» и образуется знаменитый мирабилит (сырье для бумажно-целлюлозной, стекольной и химической промышленности), прославивший залив. По сути дела, Кара-Богаз-Гол — уникальная природная лаборатория-завод. Это единственное место на планете, где в естественных условиях происходит кристаллизация целого ряда солевых минералов, причем в больших промышленных масштабах. Уже одно изучение закономерностей процессов, которые происходят в этой лаборатории, имеет огромное теоретическое значение, не говоря уже о хозяйственном: Кара-Богаз дает 40 процентов всего сульфата натрия, добываемого в Советском Союзе. Подсчитано, что залив накопил около 50 миллиардов тонн солей натрия, магния, калия, брома, йода в рассолах и кристаллических отложениях. Но если учесть, что ежегодно Черная пасть втягивает 6 — 9 кубических километров каспийской воды и вместе с ней в растворе до 150 миллионов тонн различных солей, то станет ясно: Кара-Богаз-Гол поистине неисчерпаем.

И в Директивах XXIV съезда КПСС есть строка: «...улучшить комплексное использование минерально-сырьевых ресурсов Кара-Богаз-Гола».

Стою на берегу широкого и стремительного зеленоватого потока. Это Аджидарья — «горькая река», как называют туркмены пролив Кара-Богаз-Гол. Торопится, торопится из Каспия в залив Аджидарья. Когда-то по ней беспрепятственно входили в Кара-Богаз суда исследователей и поднимались обратно в море. Теперь в месте ее впадения в залив образовался внушительный каменный уступ, через который не пройти никакому судну. Уровень воды в заливе настолько понизился, что Аджидарья сейчас не вливается, а прыгает в Черную пасть, образуя единственный в мире морской водопад. Клочья белой пены плывут по воде. Берега словно присыпаны свежим снегом — это выступила соль. Кажется, что и чистая каспийская вода от одного лишь прикосновения к темной воде залива тут же превращается в соль. Куда ни взглянешь — все бело...

ЧЕРНЫЙ

Еду по нефтяному поясу, как называют здесь дорогу из Небит-Дага на Челекен. Небит-Даг в переводе — Нефтяная гора, признанная столица туркменской нефти. Автор известного романа о небитдагских нефтяниках Берды Кербабаев так писал о нем: «Если бы я не видел Небит-Дага собственными глазами, то не поверил бы рассказам о нем. Но вот я иду по широким асфальтированным улицам, слышу гомон птиц в зелени деревьев. Действительно, он прекрасен, молодой город, прекрасен, как восточная легенда. Это ли мрачный, безжизненный уголок Каракумов?»

И полуостров, в прошлом остров, Челекен именовался на старых русских картах Нефтяным островом. Поэтому, естественно, все разговоры здесь — о нефти, о добыче, о бурении, о фонтанах, о прошлом, настоящем и будущем этого края.

— Раньше, когда не было этой дороги, машины на промыслы шли прямо по пескам, по пустыне,— говорил Мамед Мамедов, секретарь парткома нефтегазодобывающего управления «Ленинефть».— До Котурдепе пилили, помню, часов шесть-семь: то мотор перегреется, то в песках увязнем. Теперь даже к отдельным буровым — асфальт. Красота. Оглянуться не успеешь — и вот он, Котурдепе...

Мы как раз въезжали в поселок, центр знаменитого Ленинского месторождения, крупнейшего в Туркмении. Оно дает более половины всей республиканской добычи нефти.

Герой Социалистического Труда Мурадберды Сопыев, председатель колхоза «Советский Туркменистан».

Ковры работы туркменских мастериц известны во всем мире. Одна из тех, кто создает эти произведения искусства,— ковровщица Джумагуль Караджаева.

На линии Красноводск — Баку курсируют мощные морские паромы.

Художник Какаджан Оразнепесов работает над картиной «Приезд М. И. Калинина в Туркменистан».

Знаменитые ахалтекинские скакуны.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

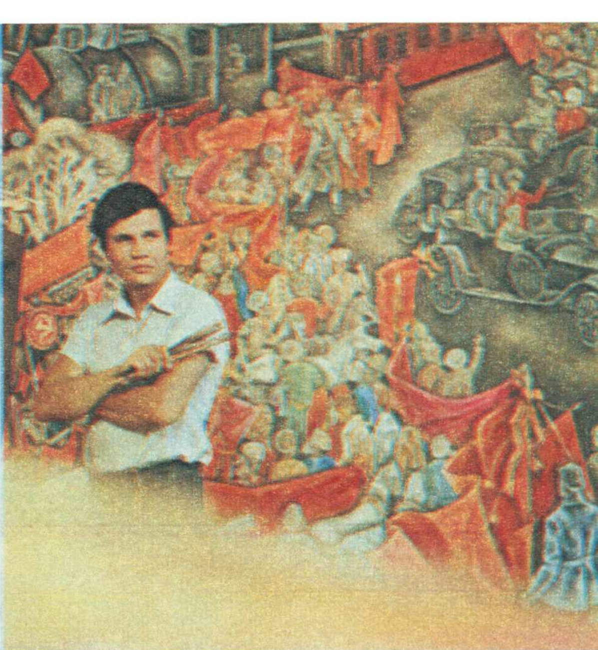
Голубая река Каракумканала.

Ходжаняз Караджаев возглавляет совет старейшин в совхозе «Путь ленинизма».

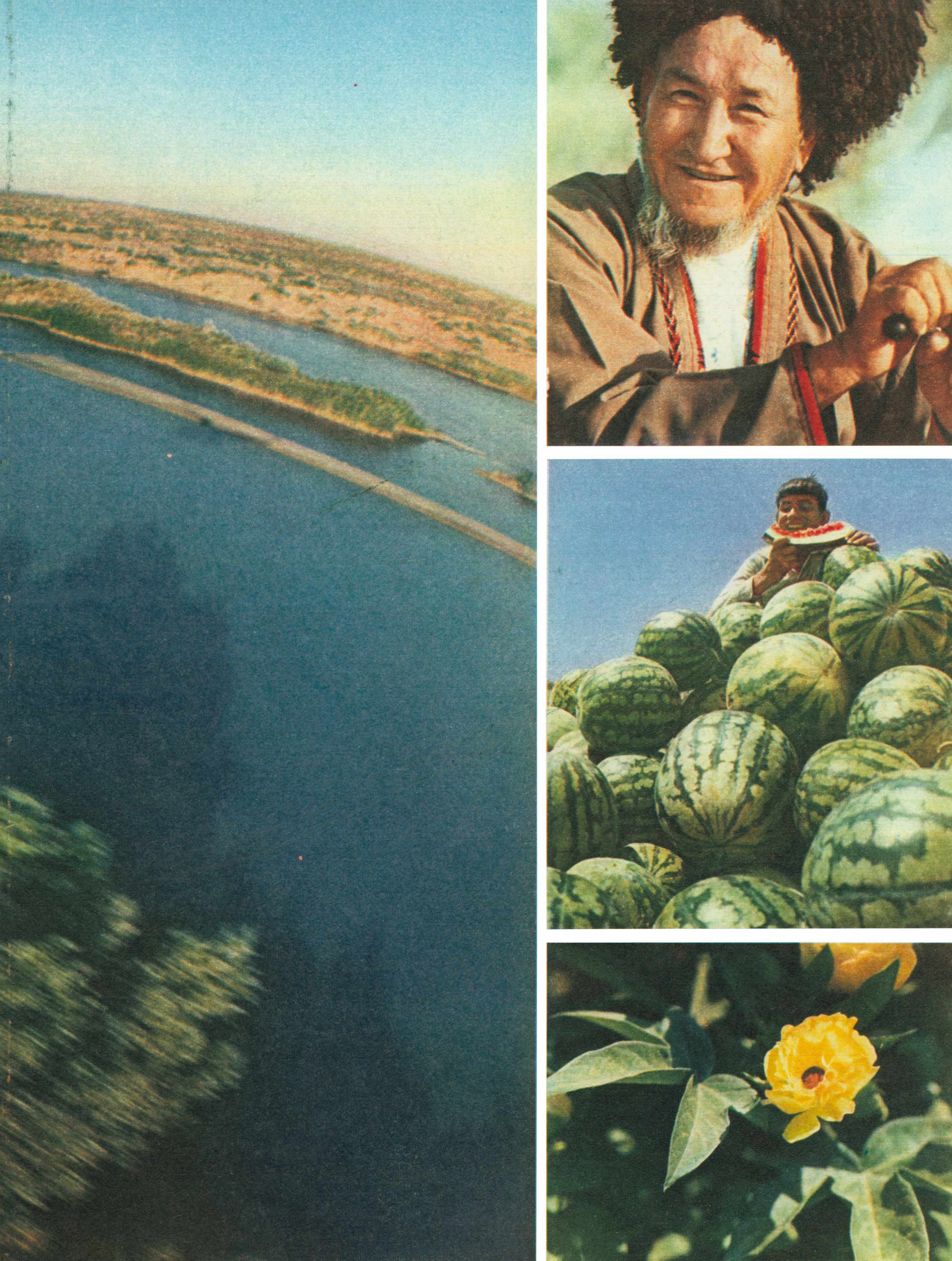
Хороши тут арбузы!

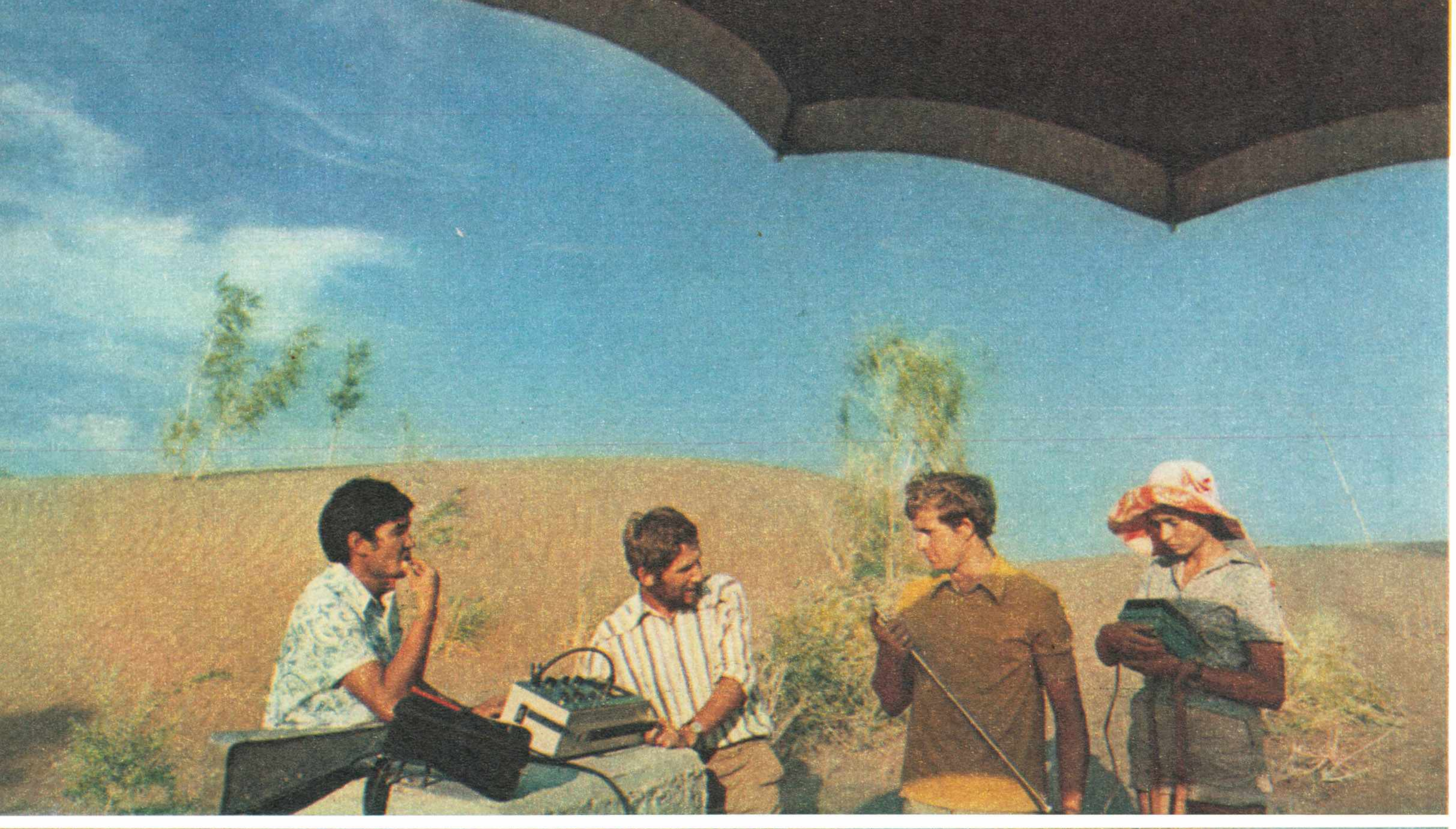
Хлопок цветет.

Как подчинить пески человеку! Эту проблему решают сотрудники Репетекской песчано-пустынной станции и заповедника Сурхан Вейисов, Петр Гунин, Виктор Дедков, Алена Федина и многие другие.

Этой отаре зной не страшен.

На полевой стан приехала агитбригада Ашхабадского райкома КПСС.

— Одного только попутного газа из нефтяных скважин мы получаем около полутора миллиардов кубометров в год,— объясняет начальник НГДУ Чары Мухамедович Атабаев, заслуженный нефтяник, прошедший здешние пески не только вдоль и поперек, но, кажется, и насквозь.— Вон там, смотрите, заканчиваем первую очередь установки низкотемпературной сепарации газа. Скоро он вольется в магистраль Средняя Азия — Центр...

— Значит, теперь лисьим хвостам конец? — спросил я, вспомнив огромные рыжие факелы над тюменскими промыслами. Красиво, но ведь это горят, по сути, народные деньги — попутный газ.

— Конечно,— подтвердил Атабаев.— Зачем же деньги на ветер пускать?

И снова под колесами асфальтовая река, которую стремятся пересыпать и остановить пески — чистые, желтые, отборные. Их бы на какой-нибудь пляж. У въезда в город Челекен без устали нагибаются и нагибаются качалки, достающие из кладовых земли нефть. Ее запахи перемешиваются с запахами моря, которое подступило к самому городу. О нефти в этих местах знали уже в XIII веке, но еще пятьдесят лет назад добывали ее как во времена Чингисхана — просто черпали из ям бурдючными мешками. Много ли начерпаешь? Кратковременный нефтяной бум, пронесшийся по Челекену, словно эпидемия, в конце прошлого и начале нашего века, опустошил промыслы. Бакинские капиталисты скупили Челекен на корню. Каждый из них рвал кусок, что пожирнее и поближе, думая лишь о сиюминутной выгоде и не заботясь о дне завтрашнем, о комплексном освоении края.

Советской Туркмении достался Челекен с репутацией вычерпанного до дна. Однако академик Иван Михайлович Губкин, изучив состояние дел, высказал твердое убеждение, что Челекен своего последнего слова еще не сказал, что опустели только коллекторы вторичной нефти, а ее основные залежи находятся ниже и до них надо добираться глубинным бурением. Дальнейшая разведка советских геологов блестяще подтвердила этот прогноз. Сейчас челекенские нефтяники по примеру своих азербайджанских соседей вышли на поиск в открытое море. Дело в том, что геологическое строение, а значит, и условия залегания нефти и газа Восточного Азербайджана и Западного Туркменистана очень похожи. У Челекена выросло в море уже более десятка туркменских «нефтяных камней», с которых идет бурение...

Утром поднимаемся вместе с солнцем. Море дышит лениво, окатывая берег слабой волной. Вчера главный геолог морского управления разведочного бурения Надир Алиев пообещал нам:

— Если Нептун будет в настроении, забросим вас на буровую. Катер туда пойдет...

Нептун нынче или явно в настроении, или у него сильный приступ лени. Впрочем, нам все равно. Главное, катер под названием «Джебел» (есть такое местечко в пустыне) выходит в открытое море, похожее сейчас на огромную зеленую лужайку. Силуэты Челекена быстро уменьшаются в размерах, тают в дымке. С кормы внезапно доносится:

— В тумане скрылась милая Одесса...

Лирическое настроение посетило Мамеда Мухиева, молодого геолога-туркмена, нашего гида. Дед его искал тут корм и воду для овец, он же вслед за отцом ищет нефть.

— Много ли ее тут, на дне морском? — спрашиваю я его.

— Под дном,— поправляет он меня,— еще одно море, только черное. На нескольких стальных островах уже получили нефть и газоконденсат. Одну из скважин бурил как раз мастер Гасанов, к которому мы едем.

— Тоже коренной челекенец?

— Нет, он из Дагестана.

— А на твоем счету есть уже открытия?

— Пока нет,— отвечает он.

Часа через три «Джебел» причаливает к островку номер семь, где нас встречает его хозяин, буровой мастер Гасан Гасанов. Деловито стучат дизели, заставляя бур вгрызаться в грунт где-то на глубине 2,5 километра под дном Каспия. Проектная же отметка — 4 400 метров. Поистине надо видеть сквозь землю, чтобы найти спрятанный природой на такой глубине клад. Я всегда удивлялся этому на земле, а тут — море. Значит, надо видеть еще и сквозь воду? На островке стояла патриархальная тишина, но я знал уже из разговоров, что здесь часты свирепые штормы.

— Бывает,— подтвердил Гасанов.— Недавно вместо четырех дней пробыли на острове восемь. Шторм на землю не пускал...

— Работали?

— А как же. При шести баллах бурить не запрещается.

— Вы, кажется, из Дагестана сюда приехали?

— Прилетел, дорогой, самолетом прилетел,— засмеялся Гасанов.— Лечу, смотрю вниз — что такое? Где горы мои родные, где деревья? Ничего похожего, один только голый песок, барханы. Как жить буду? Решил про себя — улечу обратно, но, к счастью, денег на билет не хватило... Стал работать, а сам думаю: все равно улечу. А у нас старики, знаешь, как говорят: и камень, долго лежащий на одном месте, расти будет. Мудрецы. Месяц работаю, два, три. Интересно. Потом нефть нашел, все забыл, лезгинку от радости плясал — я ведь лезгин. С той поры больше пятнадцати лет на Челекене живу. Когда отдыхать в Дагестан поеду, так не поверишь, дорогой, буровая вот эта ночами снится. Как будто корни мои тут...

Катер шел обратным курсом на Челекен. Море по-прежнему блестело под солнцем, как необозримый зеленый луг. Сосредоточенный Мамед Мухиев сидел на корме и смотрел на воду. Наверное, он видел там, под толщей Каспия, другое море, полное до краев пахучей черной жидкостью.

Вдали таяла в дымке буровая номер семь.

ГОЛУБОЙ

Первый раз я увидел ее в иллюминатор вертолета. Мощной голубой линией рассекала она пески от горизонта до горизонта. Рекой Счастья величают ее туркмены, предпочитая такое название официальному — Каракумский канал. Я вижу в этом большой смысл. Глоток воды в пустыне издавна ценили дороже куска хлеба. Говорили: в пустыне родит не земля, а вода. Или: капля воды — алмаз. Еще говорили: кто не думает в Туркмении о воде, тот не думает о социализме. Удивительно метко может сказать народ. А ведь действительно: счастье — это жизнь, а жизнь в здешние места приносит вода.

Вертолет снизился и пошел почти над самой поверхностью канала. Удивительная картина открывалась передо мной. Мелькали как в калейдоскопе пристани, баржи с грузом, земснаряды, удильщики на зеленых берегах, утиные фермы, отары овец на водопое, совхозы, квадраты полей, поселки... Что же тут удивительного, спросите, такое можно увидеть и на Волге и где-нибудь на Оби. Согласен, можно. И все-таки, подчеркиваю, картина удивительна, если вспомнить, что до прихода амударьинской воды тут не было ровным счетом ни-че-го. Только неприютные пески, заросшие верблюжьей колючкой. Между прочим, это случилось менее двух десятков лет назад, но теперь кажется, что река Счастья существовала всегда — настолько прочна и основательна на ее берегах сегодняшняя жизнь.

Теперь она разворачивалась перед нами вблизи. 456-й километр канала. Хауз-Ханское водохранилище, крупнейшее гидротехническое сооружение во всей Средней Азии. Тут хранится «на всякий случай» 875 миллионов кубометров амударьинской воды. Стою на берегу, вглядываюсь в синь синюю рукотворного моря. Противоположного берега не видно. В десяти шагах по отмели бродят кулички, гомонят чайки, рыбаки вытягивают сети, и видно, как мелкие рыбины тяжело плюхаются на дно лодки. Рыбалка в пустыне — экзотика? Нет, просто новая отрасль хозяйства. А началась она, между прочим, с проблемы, которая неожиданно возникла перед строителями канала. Русло его через короткое время начало стремительно зарастать водорослями, грозя превратить канал в болото. Пробовали зелень косить, но эффекта это не давало. Положение создавалось безвыходное. Вот тогда-то ученые предложили запустить в канал толстолобика и белого амура, дальневосточных рыб, для которых водоросли — величайшее лакомство. После этого проблемы не стало, а новоселы получили почетную и ответственную должность чистильщиков и чувствуют себя на канале и водохранилищах лучше, чем дома. Кроме того, тут развелось великое множество карпа, сазана, сома и даже осетровых...

В ашхабадской газете «Знамя Октября» я натknулся на свежее сообщение, в котором говорилось, что в Гяурской долине недалеко от столицы Туркмении закончено строительство первой очереди полносистемного прудового хозяйства. С выходом на проектную мощность оно даст более семи тысяч центнеров рыбы в год (половину всей нынешней добычи на внутренних водоемах). Туркменские рыбоводы начинают в Гяурской долине интереснейший эксперимент. Здесь будут производить породу рыбы, не существовавшую до сих пор в природе и искусственно созданную советскими учеными,— гибрид ценных осетровых рыб белуги и стерляди, получивший название «бестер».

— Когда можно увидеть результаты эксперимента? — спросил я по телефону в Управлении рыбного хозяйства внутренних водоемов при Совете Министров Туркменской ССР и получил ответ:

— Годика через два приезжайте на уху...

Летят, летят навстречу быстроходному катеру на подводных крыльях зеленые берега, то окаймленные рядами деревьев (раньше о них тут и не мечтали), то просто камышом и травой. Вдалеке мелькнул целый ряд буровых вышек.

— Нефть? — спрашиваю я у попутчиков.

— Нет, газ. Может, слыхали о Шатлыкском месторождении?

Как не слыхать! Даже собирался побывать на строительстве газопровода Шатлык — Хива, да вот опоздал: строители «подвели», раньше срока сдали работу. Но я знаю, что это только первая очередь газопровода, будет еще вторая, а может быть, и третья. Запасы месторождения огромны — 1,5 триллиона кубометров газа. Уже сейчас в магистраль Средняя Азия — Центр подается ежегодно 35 миллиардов кубометров.

Так и плыли мы некоторое время параллельно другой голубой реке — газопроводу, и я думал о том, что название Шатлык, пожалуй, как нельзя более кстати. В переводе оно означает — Радость...

Мы плыли все дальше, все выше по течению, к Захмету, салютуя длинными гудками земснарядам, расширявшим и спрямлявшим русло канала. Мы держали путь к его истоку, Амударье, а на западе строители вели канал все дальше к Каспию. Сейчас уже действует около 900 километров канала, а весь он протянется на 1 400 километров, почти до самого моря, и оросит в общей сложности миллион гектаров ранее бесполезных земель. С одного из земснарядов нас внезапно окликнули:

— Э-гей, зайдите чайку попить. У нас такой чай, в пиалу посмотришь — днем звезды увидишь. Такого ни у кого больше нет.

Грех было оставить такое приглашение без внимания, и катер причалил к борту земснаряда № 316. Нас встретил бригадир Акмурад Чарыев, весельчак и балагур. Впрочем, это обстоятельство, как видно, не мешало ему в работе, потому что в тот самый день его бригада выполнила пятилетнее задание, переработав почти два миллиона кубометров грунта, и, стало быть, завтра тут должен грянуть как бы год 1976-й. Еще не зная об этом, я традиционно спросил: «Как дела?» — и услышал нетрадиционный ответ: «На воде не горим. Не привыкли мы на воде гореть».

Пока я размышлял, что бы это значило, Акмурад провел нас в вагончик на понтонах, или, как он говорил (да и не только он, по всему каналу так говорили), в юрту. В юрте чисто, прохладно, стоит холодильник, телевизор, по стенам — картины. Через пять минут мне уже было известно, что Акмурад раньше жил и работал в колхозе, но как только услышал о строительстве канала, приехал сюда и выучился на машиниста земснаряда. Объяснил он и смысл своего ответа, который расшифровывался довольно просто: на воде не горим — значит все в порядке, все хорошо, поломок нет,

план выполняется, а для соседей-соперников это звучало еще примерно так: а ну-ка, догоните нас... Потом был обещанный чай, традиционный зеленый чай. И были звезды на дне пиалы, хотя на улице сиял полдень. Впрочем, может быть, эти звезды не только монополия Акмурада, а просто свойство воды из реки Счастья, подумал я. Но спрашивать было уже поздно, катер ушел далеко от юрты Чарыева.

ЗЕЛЕНЫЙ

Совхоз «Москва» возник одним из первых на берегу реки Счастья. Он, как и его соседи, специализируется на хлопке. Слов нет, приятнее было бы побывать в нем в пору уборки урожая, когда на сборных пунктах снежно белеют целые монбланы и эвересты собранного хлопка. Но что поделаешь, белый период в «Москве» давно минул, за ним наступил период черный, то есть период пахоты, подготовки почвы к севу, сам сев, наконец. И вот уже проклюнулись ростки, нежные и как бы голубоватые от слабости, но с каждым днем зримо набирающие силу и приобретающие густой темно-зеленый цвет. В такой вот зеленый период мы и угодили. На полях шел третий полив хлопчатника, кусты его вымахали кое-где по пояс. Стоя среди них, Нуръягды Карьягдыев, директор совхоза, посвящал нас в азы хлопководства.

— Полив хлопчатника — самое сложное дело,— говорил он.— Мало польешь — плохо, много польешь — опять плохо. Но вообще-то хлопчатник водичку любит. За пять — семь поливов в сезон он выпивает на каждом гектаре иногда до десяти тысяч кубометров воды. Да еще столько же, а то и больше, требуется для предпосевных промывок почвы от солей...

— Это же настоящий насос,— удивился я, тронув темно-зеленый куст.

— Да, но иначе он жить не может,— оправдал его директор.

— Что же тут росло, когда не было канала?

— Ничего не росло. Ветер по пескам гулял, да стоял одинокий колодец. К нему отары овец на водопой приводили... Потом пришла большая вода, землю в пятьдесят девятом впервые распахали и засеяли для начала две тысячи гектаров. Тогда собрали всего по девять центнеров хлопка.

— А сейчас?

— Нынешней осенью планируем получить по двадцать четыре центнера с гектара. Смотрите-ка, уже коробочки появляются,— показал на ветку Карьягдыев.

Я положил на ладонь коробочку, внутри которой начиналось таинственное превращение соков земли, света, солнечной энергии и заботы человеческих рук в шелковистое волокно. Коробочка показалась мне почти невесомой.

— Сколько же она весит, когда созреет?

— В среднем четыре грамма, редко — пять.

Эта цифра поразила меня. Всего четыре грамма, подумать только! Сколько же надо вырастить и собрать таких коробочек, чтобы совхоз выполнил годовой план — сдал тринадцать тысяч тонн хлопка? И сколько таких коробочек уместится в миллионе тонн хлопка, который, например, Туркмения собрала в прошлом году? В Директивах XXIV съезда КПСС записано: «Довести в 1975 году производство хлопка-сырца до 900 тыс. тонн». А республика уже в третьем году пятилетки превысила это задание на 100 тысяч тонн...

Я все искал, с чем можно сравнить труд хлопкороба, и не находил подобия. А в глазах все время стояло зеленое поле хлопчатника...

ЖЕЛТЫЙ

Почти сразу же за окнами домика начиналась пустыня — светло-желтые, почти белые под палящим солнцем пески, которые складывались в однообразную равнину. Я распахнул дверь и двинулся наугад в глубь желтых песков. Зной немедленно накинулся на меня, давая понять, что я нахожусь не где-нибудь, а в Репетеке, у полюса жары. Раскаленный песок ощущался сквозь подошвы туфель так, словно я шагал босиком по крымскому пляжу. Кто способен выжить в этой печи?— подумал я, разглядывая чьи-то мелкие, бисерные строчки следов. Я оглянулся назад. Домик давно скрылся из виду, и теперь кругом, насколько хватал глаз, простиралась пустыня, поросшая кое-где скудной растительностью. Мне показалась вдруг странно знакомой эта беспредельность песков, хотя я точно знал, что вижу их впервые в жизни. И все же что-то в них мне было известно, я это чувствовал, только не мог объяснить свое чувство. Потом меня осенило: так же беспредельна столь любимая мной якутская снежная тундра. Ну, конечно. Спокойствие и невозмутимость песков перед лицом времени были очень похожи на невозмутимость и отрешенность снегов.

Тишина стояла полная, и чуть было я не вообразил себя единственным здешним обитателем, как вдруг послышались голоса. Я забыл, что нахожусь не далее, чем на краешке заповедника пустынь. На вершине бархана у металлического столбика с надписью «Участок № 1» стояли студенты-практиканты и среди них кандидат географических наук Суханкули Вейисов, директор Репетекской песчано-пустынной станции. С ним я расстался всего час назад.

— Смелый рейд в пустыню?— пошутил Вейисов.

— Ну да, экспериментирую, за какое время можно изжариться в песке.

— Разве это жара! — неподдельно удивился он.— Сегодня и сорока в тени нет.

— Конечно, полградуса не хватает...

— Ну, ну, сейчас, чего доброго, вы заговорите о бесплодной, безводной, безлюдной, безжизненной пустыне,— засмеялся Вейисов.

— Но ведь это действительно так. Даже в словарях и учебниках географии пишут...

— Что ж из того,— не дослушал Суханкули,— значит, словари и учебники просто не поспевают за жизнью. Можно ли говорить о бесплодной и безводной пустыне, если в ней пасутся миллионы овец и верблюдов? Не песком же они питаются. А сотни тысяч гектаров хлопковых полей, бахчей, садов — что же, они существуют в голых песках, без воды? Можно ли говорить о безлюдной, безжизненной пустыне, если в ней живут сотни тысяч людей — чабаны, зоотехники, учителя, рабочие, занятые добычей нефти, газа, соли...

Я задумался над его словами и еще раз вспомнил поездку в Небит-Даг. Помнится, меня удивило, что столица нефтяников Туркмении, расположенная в одном из самых засушливых районов республики, совершенно не испытывает недостатка в воде.

— А нас, знаете, водой снабжает пустыня,— объяснил первый секретарь горкома партии Сергей Георгиевич Баграмов.

Признаться, я решил тогда, что Баграмов просто шутит, но убедился в своей ошибке, побывав в Институте пустынь. Директор института член-корреспондент Академии наук Туркменской ССР Агаджан Гельдыевич Бабаев говорил:

— Пустыня полна парадоксов и непознанных тайн. Недавно, например, ученые открыли под землей огромные запасы пресной воды, которая плавает наподобие айсбергов в соленой воде. Это так называемая Ясханская линза в Западных Каракумах, самой безводной части пустыни. Теперь пресную воду элементарно качают насосами в Небит-Даг и Красноводск.

— И она не смешивается с соленой?

— Нет, у них ведь разный удельный вес. Это как масло на воде. Мы пока ищем ключ к тайне возникновения в природе подобных линз, но только этим не ограничиваемся. Дело в том, что под Каракумами находятся целые моря минерализованных, соленых вод. С другой стороны, на глинистых такырах, а они в пустыне встречаются повсеместно, к весне образуются обширные пресные озера из талой и дождевой воды, которая, к сожалению, в первые жаркие дни испаряется без всякой пользы. Мы решили спрятать эти озера от солнца, перелить их в подземные резервуары и хранить на подушках соленых вод, то есть создать искусственные линзы. Инженерно эта задача решается так: в самой низкой части такыра создается котлован с песчаным дном, легко фильтрующим пресную воду. Остальное понятно? Водоснабжение пустынных районов не единственная, конечно, проблема, которой занят институт. Есть и другие: борьба с заносами инженерных сооружений (в Каракумах почти везде что-нибудь да строится — города, поселки, трубопроводы, дороги, промыслы, ЛЭП), улучшение природных пастбищ, качественная оценка земель и очередность их освоения...

— Выходит, что в чистом, первозданном виде пустыня уже не существует?

— Почему же? Есть Репетекский государственный заповедник пустынь, кстати, единственный в мире по богатству и разнообразию пустынных ландшафтов — от барханных песков до черносаксаульников. Но в принципе, разумеется, тех пустынь, что существовали хотя бы сто лет назад, давно нет и уже не будет...

В конечном счете это логично, думал я, бродя по репетекским заповедным пескам. Хотя бы потому, что пустыни занимают уж очень много места на земном шаре, и слишком большая роскошь для человека — оставлять их без внимания. У нас в стране они захватили десять процентов всей территории, а в Туркмении более трех четвертей. И не случайно Советский комитет Международной биологической программы отвел именно Репетеку роль опорного узла для зоны пустынь. Это чрезвычайно важная задача, поскольку пустыни во всем мире все больше и больше втягиваются в хозяйственную деятельность человека. К сожалению, не всегда это проходит безболезненно. Чуткий организм пустыни реагирует очень тонко и, главное, без промедления на любое необдуманное вторжение человека. Расплата следует тут же: ветровая эрозия, оскудение пастбищ, порванные трубопроводы, засыпанные дороги и колодцы, покрытые соленой коркой поля... «В пустыне нет ничего постоянного,— написано о Каракумах в повести «Кара-Бугаз» Константина Паустовского.— Здесь все находится в непрерывном движении, хотя на первый взгляд вы и погружаетесь в царство неподвижности».

КРАСНЫЙ

Красный — это революции знамя, пропитанное кровью павших за торжество нашего общего дела, за свободу, за равенство и братство. Пески под Красноводском кажутся мне красными — тут расстреляны 26 бакинских комиссаров.

В пески, что как плавленый
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.

Помните, конечно. «Баллада о двадцати шести» Сергея Есенина.

Красный — это боевое знамя, вобравшее в себя алые салюты в честь побед над фашизмом.

Красный — это знамя труда, вскинутое ввысь руками рабочих.

Красный — это цвет закатов над преображенной пустыней, над голубой рукотворной рекой Счастья...

* * *

...Движутся пески, стирают старые дороги, появляются и исчезают кибитки, кочуют люди. Песчаные пустыни — единственные движущиеся пространства суши. Это материки, взлетающие во время ураганов на воздух и создающие необыкновенные цветовые эффекты, носящие имя закатов.

Каракумы — Черные Пески... Пески, бывшие черными, расцветились, образно говоря, всеми цветами радуги. И расцветил их большой труд рабочих, колхозников, ученых, чабанов, всех тружеников Советской Туркмении. Я видел эту радугу Каракумов.

ТОМАС С УЛИЦЫ ТОМАСА

Ольга, Олег и Анжела Томасы на своей фамильной улице.

Владимир
ЛЯСКОВСКИЙ

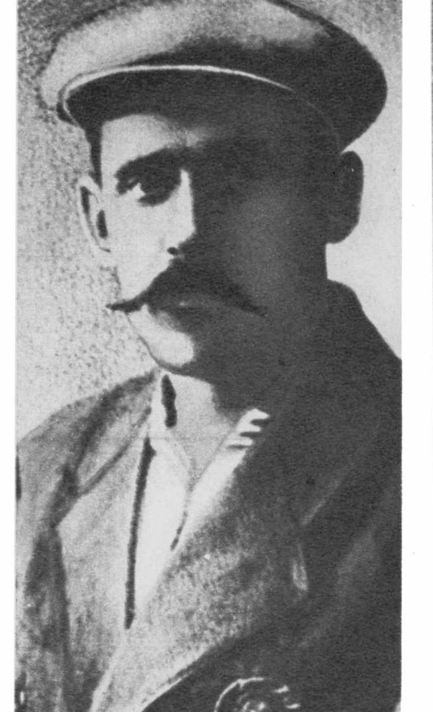
Фото
Э. ЭТТИНГЕРА.

Порт — южные ворота Одессы. Сердце города, визитная карточка столицы Черноморья. А кто же тогда начальник порта, с чем можно сравнить его беспокойную и ответственную должность?

Очень коротко и метко ответил на этот вопрос крановщик В. Котенко, член партийного комитета порта:

— Томас? Это ж наш докерский адмирал. Вон сколько океанских судов выстроилось у сорока причалов порта. Вытяни их в одну линеечку — восемь километров. Да еще флотилия на рейде дожидается своей очереди. Солидная эскадра доверена нашему адмиралу: сто портовых кранов, и каждый подымает по пятьдесят тонн! Си-ли-ща! Да еще четыре стотонных плавкрана. А портфлот? Это же целое пароходство: до сотни плавучих единиц — катера, бар-

М. Д. Томас — герой гражданской войны, участник трех революций.

Обход порта.

Одесский порт в ночи простерт...

жи, буксиры. Или парк малой механизации — пятьсот автопогрузчиков, тракторов, электропогрузчиков. Экипаж тоже внушительный — семь тысяч человек...

Я рассказал об ответе вихрастого крановщика начальнику третьего погрузрайона Анатолию Георгиевичу Фомину.

— Адмирал? — переспросил он.— Есть в этом резон, но он не только командует, приказывает, а еще и убеждает, воспитывает, учит, управляет портом на глубоко научной основе. Это хозяйственник новой формации, по духу своему революционер, новатор, горячо поддерживающий все прогрессивное. И работать с ним приятно — человек он образованный, доступный, тактичный... Надеюсь, вы слыхали про оптимальный вариант? Олег Константинович Томас — инициатор его внедрения во всех портах страны. Работая в оптимальном режиме, порт дает миллионы рублей прибыли.

Оптимальный режим — это умелая концентрация сил и средств, полное устранение непроизводительных простоев, отлаженная и ритмичная погрузка по прямому варианту «вагон—трюм». Это крупная веха в научно-технической революции на транспорте. Почин Томаса вызвал к жизни и другое важное начинание — бригадир Ильичевского порта Анатолий Барановский предложил создать укрупненные комплексно-технологические бригады...

Однажды капитан английского теплохода попросил Томаса показать ему то место, где стоял на рейде броненосец «Потемкин». Томас любезно выполнил желание англичанина, но, оставаясь верным себе, умолчал о том, что его родной дед Михаил Дмитриевич Томас имел самое непосредственное отношение к мятежному кораблю и к первой русской революции. Это он, Михаил Томас, в критический момент, когда броненосец остался без топлива, рискуя жизнью, руководил доставкой угля и заставил капитана парохода «Эмеранс» перегрузить на броненосец пятнадцать тысяч пудов угля, а затем провел на палубе корабля матросский митинг. Томас, стоя у гроба убитого Григория Вакуленчука, обратился к горожанам с призывом свергнуть самодержавие. И когда налетели солдаты, засвистели нагайки и толпа дрогнула, людей остановил решительный голос Томаса:

— Спокойствие, товарищи, они стрелять не будут, нас охраняют пушки «Потемкина»!

Не сказал англичанину Олег Томас и про то, что в городе есть их «фамильная улица».

Котельщик, грузчик одесского порта М. Д. Томас был бойцом трех революций. В марте 1917 года он с отрядом рабочих занял дворец графа Воронцова, где размещалось жандармское управление, организовывал Красную гвардию в Одессе... В бою за штаб Одесского военного округа он бесшумно снял охрану, обезвредил уличные патрули, а потом с улицы Юнкерской повел красногвардейцев штурмовать железнодорожный вокзал... Позже на Юнкерской улице они разбили превосходящие силы гайдамаков, захватили гаубицы, боеприпасы, пулеметы. В этих боях рядом с Томасом сражался сын Костя — отчаянный разведчик, а дочь Зинаида перевязывала раненых бойцов, подносила патроны.

Юнкерская улица, прославленная мужеством отца, сына и дочери, переименована в их честь. Константин Михайлович впоследствии стал моряком, служил машинистом на судах дальнего плавания, потом добровольно ушел на фронт, храбро воевал и погиб в боях за освобождение Чехословакии. Зинаида Михайловна Томас боролась в рядах подпольщиков непокоренной Одессы.

По молодости лет Олег Томас на фронт не попал. В 1953 году он окончил эксплуатационный факультет Одесского института инженеров морского флота, год проработал диспетчером в Новороссийском порту, был переведен в Одессу, прошел, пожалуй, все ступеньки инженерной лестницы и вот теперь уже 12 лет начальник порта.

Я живу рядом с улицей Томаса. Есть что-то строгое и солдатское в самом ее облике. На этой улице летом 1941 года формировались полки легендарной 9-й армии, стойко державшей оборону в самом начале войны на берегах Прута и Днестра. В дни кровопролитных боев сюда приезжал заместитель начальника Политуправления Южного фронта полковой комиссар Леонид Ильич Брежнев.

Улица воинской доблести. Здесь, на месте старого велотрека, где подпольщики хранили оружие, сейчас возводится современное здание для известного всей стране Одесского театра музыкальной комедии. Депутат городского Совета О. К. Томас приложил немало энергии, чтобы талантливый коллектив популярного театра поскорее справил новоселье. Он даже имеет непосредственное отношение к одному из его спектаклей — был главным консультантом постановки оперетты В. П. Соловьева-Седого «У родного причала».

Своей дочери, когда она вступала в комсомол, Олег Константинович сказал:

— Не забывай, Анжела, что в нашем городе есть улица Томаса...

Анжела еще школьницей несла вахту на посту № 1 у памятника Неизвестному матросу и, становясь с автоматом в руках на этот почетный пост, давала клятву:

> «...Клянусь до конца дней своих быть достойным памяти погибших за город Одессу...
> Я не уйду с этого поста, даже если моей жизни будет угрожать смертельная опасность.
> Если же я нарушу клятву, пусть меня постигнет суровое наказание товарищей и презрение жителей города Одессы.
> Клянусь!»

Сейчас Анжела — студентка Одесского университета.

На улице Томаса находится консульство Республики Куба, где в гостях у консула частенько бывает Олег Константинович. Два года провел он на острове Свободы, передавая опыт одесских портовиков кубинским друзьям, которые тепло и сердечно звали его «Компаньеро Тома».

Томас — интересный собеседник, от него всегда услышишь что-то неожиданное. И в этот раз он удивил меня загадочной фразой:

— Вот собираемся пригласить в гости Одессу!.. — И, поймав мой недоуменный взгляд, Олег Константинович объяснил:

— Растет под Гаваной черноглазая синьорита Одесса. Так кубинец, побывавший в нашем порту, назвал свою дочурку. Пусть погостит у своей тезки.

СЛУЖБУ НЕСЕТ КРАСНО

В. САМОХВАЛОВ,
генерал-лейтенант,
член коллегии МВД СССР,
начальник Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома

Накануне празднования Дня советской милиции наш корреспондент Юрий Чернявский попросил члена коллегии МВД СССР, начальника Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома генерал-лейтенанта Вадима Григорьевича Самохвалова рассказать о буднях советской милиции.

Московская милиция отмечает славную дату — 30-летие со дня награждения орденом Красного Знамени. И в том факте, что ее работа была отмечена боевым орденом, заключен глубокий смысл. От человека, стоящего на охране общественного порядка, как от солдата в сражении, требуется напряжение всех его душевных и физических сил.

О героических делах московской милиции и о ее буднях написано и сказано много хороших слов. На наших глазах рождались и закреплялись ее благородные традиции. Нынешнее поколение солдат правопорядка располагает несравненно более мощными средствами борьбы с преступностью, чем его предшественники, но неизменным остается революционный дух и высокое сознание долга, которые были присущи рабоче-крестьянской милиции с момента ее рождения.

Я хочу рассказать о нынешней жизни московской милиции на примере всего лишь одной операции.

...Дежурный 75-го отделения милиции принял сигнал бедствия. Придерживая трубку плечом, он еще коротко бросал вопросы, делая беглые записи в журнал, а в дежурную часть уже вбегали те, кто оказался свободным от наряда или поста. В отделении прозвучала тревога.

Через несколько секунд милицейская машина мчалась к месту совершения преступления. Начинался сложный поиск с массированным применением сил и средств.

Трагедия разыгралась вечером на плохо освещенной, безлюдной улице. Очевидец, водитель троллейбуса 7-го маршрута, вначале подумал, что молодые люди обнимаются. Но, подъезжая ближе и ближе, он разглядел, что девушка борется, отталкивает парня. Вот она вырвалась и стремительно метнулась в одну сторону, а парень, воровато оглядевшись,— в другую. Сделав несколько неуверенных шагов, девушка зашаталась и упала. Остановив троллейбус, водитель поспешил к ней. Девушка была мертва. Как выяснилось позже, нападавший ударил ее ножом. Убитой оказалась ученица 10-го класса.

О случившемся сразу же сообщили по телетайпу во все подразделения. Через МВД СССР проинформировали министерства союзных и автономных республик, УВД краев, областей и крупных городов. Кто из лиц, находящихся в поле зрения милиции, мог совершить такое преступление? Кто из них накануне выезжал в Москву? Ответов на эти вопросы мы ждали от своих коллег.

Розыск преступника в городе с почти восьмимиллионным населением, который к тому же ежедневно встречает и провожает до двух миллионов пассажиров,— дело чрезвычайно сложное, требующее специалистов самой высокой квалификации. Для руководства всеми силами, выделенными для поимки убийцы, координации их действия приказом по ГУВД создали оперативную группу, в которую включили более двадцати квалифицированных работников МУРа, Киевского районного управления внутренних дел и 75-го отделения милиции, на территории обслуживания которого произошло убийство. Оперативная группа (ее возглавил заместитель начальника ГУВД генерал-майор милиции В. Пашковский) приступила к работе в тесном контакте со старшим следователем городской прокуратуры А. Тихоновым, специалистом высшего класса. Этим же приказом был утвержден и план служебно-оперативных мероприятий по розыску преступника.

Какими фактами располагала оперативная группа, приступая к розыску преступника? Как они были использованы?

...После вечера в честь дня рождения родственницы до троллейбуса 62-го маршрута Наташу провожал юноша — единственный из десяти гостей, которого девушка немного знала. Чтобы добраться до дома, она должна была сделать две пересадки — на автобусы 130-го и 89-го маршрутов, а потом метров четыреста пройти пешком. От родственницы Наташа ушла в восемь вечера, около девяти на нее напал неизвестный — на последнем отрезке ее пути.

На основании этих скудных данных были выдвинуты три версии: 1. Преступление совершил знакомый погибшей на почве мести, ревности, низменных побуждений. 2. Убийство совершено с целью ограбления или из хулиганских побуждений. 3. Школьница стала жертвой насильника.

К работе оперативной группы пришлось подключить и отделы уголовного розыска всех районов города. По каждой из трех версий, чтобы не допускать дублирования, распыления сил и средств, работали отдельные подгруппы, оснащенные необходимой оперативной, криминалистической и специальной техникой.

В условиях большого города успех раскрытия преступления решает не интуиция одиночек, а кропотливый труд многих профессионально подготовленных людей, дополняющих друг друга, тесное взаимодействие всех служб. Каждая из версий, выдвигаемых всякий раз при раскрытии того или иного преступления, бывает по-своему логична и обоснована, и невозможно предугадать, какая окажется единственно верной.

Какие задачи решались при отработке версий? Их было много, упомяну лишь некоторые. Известно, как школьница должна была возвращаться домой. Учитывая, что преступник мог следить за своей жертвой, когда та ехала в гости и когда возвращалась, на инструктаж были собраны начальники городских отделений милиции, по территории обслуживания которых пролегал маршрут Наташи. Работники опергруппы побеседовали с ее одноклассниками, с теми, кто по разным причинам расстался со школой. Таких оказалось немало, и их надо было найти! Выяснили, с кем дружила девушка, где проводила летние каникулы, с кем встречалась в те дни. На предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных в районе совершения убийства, поинтересовались всеми работавшими там мужчинами в возрасте до тридцати лет, в том числе и уволенными за последнее время.

Уточнили, когда и на каком маршруте были использованы билеты на автобус и троллейбус, обнаруженные в кармане убитой, встретились со всеми водителями. Узнали, куда Наташа ездила на электричке, с кем была в кино.

Информационно-вычислительный центр ГУВД дал необходимые сведения о лицах, ранее судимых за аналогичные преступления. Всех их тщательно проверили. Не менее тщательно интересовались теми, кто задерживался за мелкое хулиганство, пьянки, нарушение паспортного режима. Научно-технический отдел провел серию криминалистических исследований. Еще раз были детально изучены подобные же уголовные и уголовно-розыскные дела. Была проделана колоссальная работа. Справиться с ней помогали более двух с половиной тысяч вне-

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ЗНАМЕННАЯ

штатных работников милиции, дружинников, других представителей общественности. Вся поступавшая информация — а она была обильной — сосредоточивалась у начальника отделения МУРа майора милиции Е. Ермакова. Хорошо подготовленный офицер, с глубокими профессиональными знаниями, склонный к аналитической работе, он умело выбирал из потока сообщений основное, быстро обобщал, делал выводы, вносил предложения.

Водитель, наблюдавший трагедию с расстояния более ста метров, бросках примет преступника сообщить не мог. В поисках других свидетелей были опрошены водители городского транспорта, владельцы автомашин, проезжавшие в тот вечер в районе убийства, просто прохожие.

Убийца не оставил следов, однако среди людей, которые прошли по улице недалеко от места преступления в час разыгравшейся трагедии, должны были найтись такие, кто обратил внимание на злоумышленника, кто невзначай хотя бы раз на него взглянул, возможно, обратился с вопросом. Такие свидетели были, и их нашли. Крупицы сведений, собранные вместе, умело систематизированные, могли дать многое.

В сложившихся условиях особое значение приобретало искусство розыска, которым занимается каждый работник милиции. Этому обучают, как обучают криминалистике, стрельбе, самбо. Для лиц нетренированных, скажем, пешеходы на улице представляют собой безликую массу, а профессионально подготовленный человек сразу выделит того, кому, как говорится, не по душе требования закона, кто больше всего на свете остерегается встреч с милицией.

Свыше ста пятидесяти хорошо обученных работников милиции вели почти непрерывное наблюдение на улицах, в кинотеатрах, магазинах, на городском транспорте, проверили сотни лиц, вызвавших подозрение своим поведением. В процессе этой работы задержали двух преступников, скрывавшихся от следствия и суда, десять человек, незаконно хранивших нарезное и гладкоствольное оружие, носивших самодельные финки и кинжалы. Но следов разыскиваемого преступника не было. Они могли обнаружиться на любом этапе поисков, однако дни шли, а результатов не было...

Из сотен показаний людей, оказавшихся в районе трагедии, постепенно синтезировались варианты словесного портрета преступника. Научно-технический отдел ГУВД провел колоссальную работу по созданию фотороботов, которые давали верное представление о внешнем виде убийцы. По сумме сведений и деталей, добытых из показаний опрошенных людей, была практически полностью восстановлена картина улицы в момент убийства — с движущимися машинами, фигурами людей,— и эксперты с точностью могли повторить ее любое количество раз, как документальный кинофильм. Каждый свидетель был связан с оперативными группами и в любую секунду мог дать сигнал, если бы столкнулся с преступником. Если убийца живет в Москве, такое столкновение должно было произойти.

Вечером на одиннадцатые сутки в милицию позвонила женщина, одна из свидетельниц, и сообщила, что, как ей показалось, она увидела молодого человека, который в тот вечер запомнился ей странным, неуравновешенным поведением. К этому времени оперативная группа, отбросив после проверок первые две версии, все силы сосредоточила на отработке третьей. Приметы, сообщенные свидетельницей, давали основания полагать, что она встретила убийцу. Было принято решение немедленно блокировать территории Киевского, Кунцевского, Гагаринского и Ленинского районов, определены возможные пути выхода преступника из районов, и на каждом из них организована засада. Наблюдали и за местом преступления. Составляя программу поведения преступника, выдвинули такое предположение: боясь живого свидетеля, не зная точно, оказался ли удар смертельным, или девушка осталась жива, он мог прийти к знакомому месту, чтобы расспросить прохожих.

Предположение оказалось верным. Экипаж подвижной милицейской группы (ПМГ) в составе младшего лейтенанта Л. Дорофеева, старшего сержанта У. Уметбаева и сержанта В. Шинкаря задержал преступника на месте убийства. Засада была так неожиданна и столь мгновенно обрушилась, что убийца не мог скрыть своего ужаса, крикнув: «Я не убивал!» В дальнейшем на следствии он полностью был изобличен неопровержимыми доказательствами и под тяжестью улик признал свою вину.

Напрашивается вопрос: зачем я так подробно остановился на самом поиске? Чтобы проиллюстрировать основной принцип работы нашей милиции — принцип неотвратимости наказания за содеянное преступление. Преступник должен быть найден, чего бы это ни стоило...

К сожалению, есть еще и нераскрытые преступления. И до тех пор, пока они не будут раскрыты, солдаты правопорядка продолжают вести «бой», вести поиск. До победного конца! Каким бы запутанным, сложным ни было бы дело.

Успехи нашего народа на всех участках коммунистического строительства, благоприятные социально-экономические процессы, происходящие в нашем обществе, создают необходимые условия и обязывают к успешному выполнению задач по укреплению правопорядка, повышению эффективности борьбы с преступностью.

Бесконечно разнообразны научно обоснованные методы работы столичной милиции, великолепно ее техническое оснащение. Но главная ее сила — в людях, беззаветно преданных своему делу, до конца верных присяге, таких, как начальник Черемушкинского райуправления полковник Лев Михайлович Львов, недавно погибший при задержании особо опасного вооруженного преступника, как капитан Александр Попрядухин, вышедший победителем в смертельной схватке с жестоким и коварным врагом. Молодым нашим работникам есть с кого брать пример.

Солдаты правопорядка произносят с достойной гордостью: «Служу Советскому Союзу!»

Наконец дома!

ПО ДОРОГАМ ТРИНАДЦАТИ СТРАН

В третий раз встречаю в Москве наших гонщиков после сложнейших международных ралли, сперва — «Лондон — Сидней», когда позади «Москвичей» осталось три континента — 16 тысяч километров, затем «Лондон — Мехико» — 25 стран Западной Европы, Южной и Центральной Америки, 26 тысяч километров. И вот сейчас после ралли «Тур Европы-74».

Знакомые усталые лица. Усталые и безмерно счастливые. 15 суток провели эти люди в наивысшем напряжении. 15 тысяч километров на дорогах 13 стран, выдерживая заданный темп гонки, в считанные минуты решая сложные проблемы.

Вот они, ярко-желтые «Москвичи» и «Лады», залепленные множеством рекламных этикеток. Но не этикетки, а золотые кубки на капотах автомобилей привлекают внимание. Советские гонщики впервые завладели всеми главными призами ралли. В абсолютном личном зачете первое место занял экипаж Брундза — Карамышев, второе — Спрукт — Калнайс, опять же наши ребята. Нашим же присуждены главный командный приз «Золотой кубок», «Серебряный кубок», в национальном зачете первые два места тоже заняли советские гонщики, и, наконец, в заводском — на первом месте команда «Москвич», на втором — ВАЗ.

Позади остались дороги ФРГ, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Турции, Ирана, Сирии, Иордании, Ливана, Югославии, Италии, Австрии. Увы, не всегда тщательно изученные и не всегда в идеальном состоянии. Заснеженные Альпы, где шагу не ступишь без цепей на колесах. Что ж, надевай цепи, но заданный темп не теряй. Изнурительное бездорожье и жара пустынь Ближнего Востока, разбитые горные лабиринты Турции, затопленные ливнями магистрали Югославии. К тому же рискованнейшие обгоны, повороты, ослепляющие фары, густые пыльные завесы. И никто никому не намерен уступить ни сантиметра асфальта, гудрона, булыжника или просто раскисшего проселка. В этих условиях и происходил поединок наших ребят со знаменитыми раллистами и не менее знаменитыми «мерседесами», «БМВ 2002», «опелями», «фордами», «рено», «ауди» и другими. К финишу пришло лишь 26 из 51 стартовавшей в городе Эрбах (ФРГ) машины, причем 8 из них — советские «Москвичи» и «Лады». И еще: за 15 дней этой стремительной гонки 37 штрафных очков у нашего экипажа Брундза — Карамышев и штрафные, исчисляемые трехзначными цифрами, у большинства западных соперников. У некоторых эта цифра приближалась к тысяче.

Таковы самые скупые данные о «Туре Европы-74», завершившемся, когда в газетах было опубликовано поздравление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР труженикам автомобильной индустрии по случаю полувекового юбилея советского автомобилестроения: «50 лет назад, в день празднования 7-й годовщины Великого Октября, по Красной площади столицы молодого Советского государства прошли первые десять отечественных автомобилей...» И вот судьба еще одной десятки отечественных автомобилей, но уже не единственной, как полвека назад, а из числа 1,1 миллиона выпущенных в первом году девятой пятилетки. В 1975 году их будет произведено у нас более двух миллионов.

З. ХИРЕН

КРАСОТА ОТЧИЗНЫ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Золотое кольцо России... Сказочные ансамбли Загорска, крутые крепостные валы и старинные монастыри Переславля-Залесского, белокаменный Ростов Великий, словно поднявшийся на берег из вод озера Неро, овеянный легендами Углич, знаменитые фрески и письмена Ярославля, Костромы, Владимира. Отважный волжский город Плес, когда-то первым встречавший врагов Московского государства, гордый красавец Суздаль и устремленный ввысь, стройный, одухотворенный храм Покрова-на-Нерли близ Боголюбова... Славные города, заветные нашему сердцу. Здесь когда-то вершилась история Отечества, и свидетели тех давних событий — величавые и нежные, как душа народа, сооружения волнуют нас сегодня своей связью с уходящими вдаль веками.

Золотое кольцо — трудно, пожалуй, более точными словами объединить эти места. А родилось это определение сравнительно недавно, всего пять лет назад. Одним из его авторов был художник Алексей Кетов. Он же впервые изобразил «кольцо», проехал по нему, сделал множество зарисовок, схему. И с тех пор этот поэтичный термин, рожденный любовью к родной истории, к русскому зодчеству, так естественно вошел в жизнь, будто существовал издавна.

Идея Золотого кольца не могла возникнуть случайно. В течение многих лет художник писал русские города: Верею, Звенигород, памятные места на реке Яузе, которую он прошел от верховьев до устья. Писал не только кистью. Собирал по крупицам сведения исторического характера — «преданья старины глубокой» и факты недавнего военного прошлого. В печати появлялись его рисунки и сопровождающие их документальные очерки. Но больше всего он рисовал Можайск, где жил и работал долгие годы. Сам художник признается, что окрестности Можайска стали для него образом, олицетворением России.

Красоту этих мест славили поэты Александр Жаров и Иосиф Уткин, народный художник СССР Сергей Герасимов. Прошли годы, но по-прежнему чисты здесь горизонты, все так же пьянит настоянный на соках земли воздух, не охватит глаз просторы полей и дали. Взгляните на картину «Под Можайском». Синеглазая Москва-река, холмы, перелески, милое русское село. Тишина и покой родного дома.

Но покой завоевывается в борьбе. Старые кряжистые башни Лужецкого монастыря трижды выдерживали огненный натиск врага: в 1612, 1812, 1941 годах. Могучая крепость, суровая, неколебимая — это тоже символ Родины, та же «связь времен», которая волнует и влечет художника. Она ощутима и в картине-этюде, где рядом с красными стенами Нижегородского кремля бьется ритм сегодняшней жизни города Горького, и в графических листах «На полях сражений Подмосковья», близких сердцу художника, полковника по званию, совместившего в своей жизни две профессии — ответственного работника Министерства внутренних дел и занятие искусством.

Тема связи времен звучит и в работах, объединенных в цикл «По дорогам 28-й армии» — той самой армии, которая удерживала фашистов на южных подступах к Сталинграду.

Здесь летом 42-го года принял боевое крещение командир противотанкового артиллерийского взвода Алексей Кетов. Это были участки острейших сражений. Бои шли в степи, без укрытий, без каких бы то ни было оборонительных укреплений. За мужество и героизм, проявленные в жестоких схватках с противником, молодой лейтенант был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

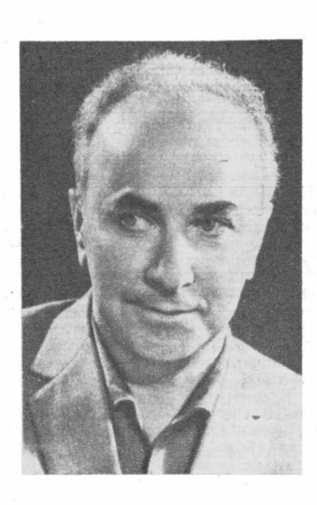
В 1971 году Алексей Иванович снова приехал в эти места. Было начало осени, такой же пыльной и душной, как почти тридцать лет назад. Двести с лишним километров от Волгограда, поселок Халхута. Тогда в октябре его тяжело ранило. Почти на этом самом месте стоит теперь обелиск солдатам 28-й армии, сражавшимся и погибшим за Сталинград.

Связь веков и красота Отчизны, вместившей в себя просторы и луга Подмосковья, пески Калмыкии, золотистое небо вечернего Ташкента и козьи тропы горных перевалов, повторится в произведениях, посвященных Средней Азии. В Бухаре в 41-м Кетов закончил артиллерийское училище. После войны почти каждый свой отпуск он проводит в этих краях, пишет в Фергане, Туркмении, создает серию работ «Новый Ташкент». Яркая декоративность пейзажей, своеобразие обычаев и новые традиции, определяющие современный быт, дома и строения цвета земли, испепеленной солнцем,— все это объединилось, претворилось в творческом сознании художника и вылилось на полотна, этюды, рисунки красочной симфонией, славящей необычную красоту этого края, его людей, историю. Алексей Иванович слишком хорошо знает и любит Среднюю Азию; экзотичность первых впечатлений давно уже уступила место доброжелательному и умному повествованию о земле и народе.

В прошлом году он снова был в этих местах. На этот раз у пограничников, писал обстановку, в которой они служат, людей, их окружающих,— тружеников пограничных колхозов, доярок, овощеводов. Заставы в горах, заросли тутовника, арчи, пот и соль солдатских гимнастерок.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЯ ХОЛОПОВА

МАСТЕРСТВО И ЗРЕЛОСТЬ

Сорок лет назад в ленинградских журналах «Резец» и «Юный пролетарий» появились первые рассказы Георгия Холопова, вслед за ними вышли сборник «Бегство Сусанны» и роман «Медвежий лог».

Разумеется, в них легко можно было обнаружить нехватку литературного мастерства, но произведения эти привлекали достоверностью, своеобразием материала, языка. А главное, молодой писатель стремился показать, и это ему удалось, как в труде, лишениях и страданиях выковывается характер настоящего человека, способного на большие дела, может быть, на подвиги.

Самому Георгию Холопову в жизни тоже пришлось нелегко. Детство в большой семье, которая в 1918 году вместе с другими беженцами оставляет Закавказье, где родился Г. Холопов, и перебирается в Астрахань; гибель отца от сыпняка; возвращение в Баку после восстановления Советской власти в Азербайджане.

Вот несколько страниц из автобиографии писателя: «Мне было восемь-девять лет, когда я пошел на заработки. Был газетчиком, папиросником, продавал игрушки и ириски. Учась в последних классах школы, одновременно работал в бакинском порту табельщиком, грузчиком. В порту вступил в комсомол».

Многие впечатления той поры легли в основу автобиографических романов Георгия Холопова «Гренада» (1962), «Докер» (1965). В «Гренаде» сложные и суровые годы нэпа увидены глазами подростка. Выразительно и ярко пишет автор о том, как на обломках старого мира закладывался фундамент нового общества. В «Докере», в какой-то мере продолжающем «Гренаду», герои романа уже стали юношами, выбрали свою дорогу в жизни. Семнадцатилетний мечтательный Гарегин попадает в разноязыкую артель портовых грузчиков-сезонников. В борьбе за правду закаляется его воля, обретают крепость высокие нравственные убеждения.

С первого дня Великой Отечественной войны Георгий Холопов на фронте. На полях сражений с фашистскими захватчиками писатель-коммунист встретил бесчисленное множество подлинных, невымышленных героев. Они ненавидели, презирали смерть, шли сознательно на жертвы, но со всей силой любили жизнь и хотели жить. Свою вторую жизнь они обрели на страницах холоповских «Невыдуманных рассказов о войне».

В «Маленькой повести и больших рассказах» писатель проследил, где это оказалось возможным, судьбу своих героев, встретился с людьми, которым память военных дней помогает глубже понять и осмыслить сегодняшнюю жизнь. Рассказывая о наших современниках, Георгий Холопов видит в их судьбе, в их подвигах и славе непобедимость и величие нового общественного уклада, торжество социалистического строя.

Особое место в творческой биографии Георгия Холопова занимает образ пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова. Писатель много раз видел С. М. Кирова на заводах и фабриках Ленинграда, на нефтяных промыслах Баку. В романе «Огни в бухте» Георгию Холопову удалось создать многогранный и обаятельный образ выдающегося большевика, выразительные портреты бакинских коммунистов. Годы гражданской войны в Астрахани, героическая защита от врагов этой крепости на Волге под непосредственным руководством С. М. Кирова — тема романа Георгия Холопова «Грозный год». И в этом произведении Киров предстает перед читателем как носитель одного из величайших качеств советского человека — несгибаемой верности идее коммунизма.

Новая книга Г. Холопова «Мозаика», вышедшая в 1973 году, продолжает военную тему. Но война здесь уже не столько материал, сколько атмосфера, пункт отсчета, критерий социальных и нравственных ценностей. Все варварское, дикое, жестокое в сегодняшнем дне человечества, в буднях тех стран, о которых пишет автор, — это след войны, ее черты. В этом смысле характерны рассказы «Когда городок смеется», «В доме у Олены Михайловны». И наоборот, все ищущее, беспокойное, на чем след человеческой мысли, труда и души,— все это противостоит войне в широком смысле этого слова, все это объединяет людей, в какое бы время и в какой бы стране это ни происходило. Так совершенно логически соединяются с предшествующими рассказами «Армянский триптих», «Скандинавский дневник», «Венгерские рассказы».

Нельзя не сказать здесь и о большой работе Г. Холопова как организатора писательских сил. В течение уже многих лет он является главным редактором журнала «Звезда», сейчас Георгий Холопов возглавляет Ленинградскую писательскую организацию, он секретарь СП РСФСР.

Шестидесятилетний юбилей Георгий Холопов встречает в расцвете своего дарования. За плечами у него большая жизненная и литературная школа. А впереди — новые книги, новые ступени мастерства.

Г. КОНДРАШЕВ

А. Кетов. ГОРЬКИЙ. КРЕМЛЬ.
ПОД МОЖАЙСКОМ.

А. Кетов. МОЖАЙСК. ДРЕВНИЕ СТЕНЫ.
ПЕЙЗАЖ С ОСЛИКОМ.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Рисунки И. УШАКОВА.

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

В тот вечер Всехсвятский устроил себе праздник — выпил три двойных кофе с пирожными в кафетерии на углу. Когда-то ему это не разрешалось. Кофе не позволяло давление, против пирожных категорически возражала жена. Она вообще держала его в строгости и не позволяла того, что он больше всего любил: пельменей и вареников.

А теперь Тани нет, и некому запрещать — сын запрещать не смеет, только иногда спрашивает по телефону, как он себя чувствует, из вежливости. Для сына он всегда здоров, а для нее всегда был «подвержен» — всему, всяким опасностям и болезням, и она его оберегала... Никто больше ничего ему не запрещает.

Другой бы запил, а он стал заедать свое горе. Оказывается, и такое бывает. Растолстел безобразно, обрюзг. Анечка начинает смеяться от одного его вида — дедушка Крылов!

Ощущая в желудке сладкую тяжесть, он поехал домой, думая о том, что сахар необходим человеку для работы мозга. Ни над какими другими проблемами его мозг работать не хотел. Он и не подстегивал его. Что-то варилось в самом подвальном котле сознания, и оттуда на поверхность пузырьками поднимались пока вопросики. Пока только вопросики, на которые можно и нужно было собирать ответы. «Знание о действиях предполагает знание причины действий и включает его» — так, кажется, сказал Спиноза. Откуда в нем сидит эта фраза? Сдавал когда-то историю философии, но непохоже, чтобы оттуда. Где-то он прочел ее недавно как цитату. Знание причин действий — вот какое дело.

Ну, что ж, у Костурича сколько угодно причин. Очень-очень много!

Вечер предстоял длинный, да еще кофе не даст заснуть... Он позвонил Алле и попросил ее прийти завтра в управление.

Она пришла. На ней было черное платье — то самое, в котором она приходила в первый раз, и выражение лица было такое же — неприветливое, хмурое. Она спросила с какой-то враждебной интонацией:

— Вы что-нибудь выяснили?

— Пока немного,— сказал он.— И трудно выяснить много, если даже вы не сообщаете всего, что вам известно.

Она пожала плечами и ничего не ответила.

— Почему вы не сказали мне, что видели вашего бывшего мужа на вашей улице в тот самый день?

— Значит, это был он? Я мельком его заметила, но не была уверена. Ну и что? Какое это имеет значение?

— Вы думаете, что это не имеет значения?

— Никакого. Откровенно говоря, даже если бы я его увидела у нас на лестнице в тот самый день и час, все равно это не имело бы значения. Вообще он ведь и наговорить на себя может. Его следовало бы в присутствии адвоката допрашивать. Он говорит все, что есть, а вы как будто нарочно отбираете самое худшее.

— Между прочим, говорит о себе: я во хмелю страшен.

— Все равно,— сказала она.— Вы не по тому следу идете.

— Слушайте,— терпеливо сказал Всехсвятский.— Костурич, по его собственным показаниям, появился вблизи вашего дома около восемнадцати часов — время, когда закончился сеанс в кино. Ваша мать говорит, что телефонный звонок был примерно в половине седьмого. Вы вернулись около семи — вы встретили его.

— Ну и что из этого?

— Костурич был зол на вашего отца. Он считает, что из-за него разрушился ваш брак. Кстати, что это за история с кооперативной квартирой, на которую ваш отец отказался дать деньги?

Алла подняла плечи, потом оттянула рукой платье у шеи, словно оно душило ее.

— Это он вам рассказал?

— Он.

— Это давняя история, не понимаю, зачем вы ее выкопали. У нас стали строить кооператив, на работе у меня. Еще до того, как мы с Аликом... как я вышла замуж. Я, конечно, не подавала заявления. Потом, когда уже родился Лодька, вдруг оказалось, что есть несколько трехкомнатных квартир свободных — две или три. Уж не помню, почему так получилось. В общем, мне предложили, потому что ребенок. Ну, и мы думали, что родители помогут, а они не смогли.

— Ваш муж говорит, что он обратился не к обоим родителям, а именно к вашему отцу.

— Да, верно. Я думаю, он считал, что у папы есть такие знакомые, у которых можно занять. То есть папа мог бы занять. Ну, в общем, он бы не стал нам одалживать, мне это было совершенно ясно. И я Алику тоже это говорила.

— А он не соглашался с вами?

— Он говорил: не в этом дело. У меня было такое впечатление, что они оба, как говорится, на принцип пошли — и он и папа.

Опустив голову, она старательно разглаживала пальцами платье на колене. Всехсвятский вытянул шею, чтобы слышать, что она говорит.

— Конечно, вы скажете — вымогательство, какое мы имели право, мы сами уже взрослые. Все правильно. Но нам действительно очень нужно было отделиться. И, я думаю, Алик очень на это надеялся. Понимаете, у папы была такая идея: теперь молодежь женится, а сами себя обеспечить не могут. А вдруг да матери придется просить, чтобы дочь ей помогала?

— Простите, а разве ваша мать не получает пенсии?

— Получает, но у нее пенсия маленькая: сорок пять рублей. Она по болезни на пенсию вышла раньше, она сердечница, школа ее очень утомляла... Ну, в общем, отец настоял. Она учительница была младших классов, мама моя.

— Значит, теперь у вас ваша зарплата и ее пенсия?

Алла махнула рукой.

— Да нас никогда особенно деньги не интересовали. Вот только история с кооперативом... Но мы после этого вскоре разошлись с Аликом. Он стал пить, ну, в общем, жить вместе стало невозможно. То есть я бы, может, и могла, но родителей было жалко... Да нет, и я уже не могла больше.

Она вдруг вскинула голову и посмотрела Всехсвятскому прямо в глаза.

— Понимаете, я уже и в самом деле перестала его считать своим мужем. У меня такое чувство было, что я освободилась от него, навсегда освободилась. А теперь вот, из-за вас...

Всехсвятский безмерно удивился:

— Из-за нас? Как это из-за нас?

— Из-за вас, вас лично! Потому что вы его подозреваете... Потому что вы все к нему подбираетесь — что же вы думаете, я не понимаю? Вы так все подводите, что он у вас получается уже и убийца и все. А я знаю, что это не он. Вот вы ко мне: почему не сказала, что видела его в тот день на нашей улице? Потому не сказала, чтобы его не топить, вот почему! «Костурич был зол на вашего отца...» Да не был он зол, в нем вообще никакой злости нету. Он, может, и плохой человек, слабый, но он добрый, понимаете? Добрый! И он вовсе не вымогал, ему-то самому ничего никогда не нужно, это он для нас хотел, для нас вместе и для Лодика. А вы меня всеми этими домыслами вашими и ловушками опять к нему привязали, неужели не понимаете? Ведь он же теперь в беде, в лихой беде, что ж я, мужа в беде должна бросить, по-вашему?

— Я так не думаю,— тихо сказал Всехсвятский.— Но почему вы не хотите помочь нам выяснить правду?

XI

Никулин вернулся из командировки неожиданно, в обеденный перерыв, и Всехсвятский обрадовался, увидев его на месте. День ничего не сулил: следствие зашло в тупик. В видимый тупик. Между тем Всехсвятскому казалось, что хоть и в потемках и на ощупь, но сам он пробирается куда-то. Следствие стоит, как поезд в тупике, а он ходит по вагонам и чувствует: горячée, горячée. В этих самых вагонах, которые никуда не бегут.

Всехсвятский позвонил, чтобы привезли Костурича, и стал рассказывать Никулину о том, как подвигается дело.

— Значит, Соколовская говорит — не он?

— Утверждает, что он не мог бы. Но не это главное. Боится она говорить. Чувствую, что есть у нее еще материал, что она знает, но не говорит, за мужа боится.

— Они же в разводе! — недоуменно сказал Никулин.

— В разводе-то в разводе,— сказал Всехсвятский.— Видел бы ты, как она на меня вчера накинулась. Как тигрица.

Никулин сказал:

— Может, она, как я, не верит в развод?

— Интересно,— сказал Щавинский.— Прямо по анекдоту: тетя Маня не верила в клептоманию. «Почему,— говорит,— нет такой болезни — принести другому? А взять у другого есть болезнь? Не верю!» Так и не верила до конца жизни. А ты, значит, не веришь в развод?

— Я не так выразился,— сказал Никулин, смутившись.

Пятнадцать суток Костурича перевалили за половину; в сущности, пора было обращаться к прокурору по поводу меры пресечения. Но Всехсвятский медлил, а Никулин, как назло, словно забыл про это, ничего не спрашивал. Между тем Всехсвятскому хотелось бы поговорить и о мере пресечения — может, чтобы самому себе уяснить свою позицию. Еще не точку зрения — только позицию на подступе к этой самой точке.

Уже Костурич входил в комнату, а Всехсвят-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—44.

ский все еще не видел линии предстоящего допроса.

Костурич выглядел так же, как вчера, словно все, что произошло с ним, его размозжило. Он сидел на стуле так, будто у него не было костей, и лицо его не выражало ничего, кроме равнодушной усталости. Он ответил на первые вопросы Всехсвятского ровным, бесцветным голосом, глядя куда-то вбок и вниз, словно даже поднять веки было для него непосильным трудом. Всехсвятский предложил ему сигарету — он взял, размял в пальцах, но когда Всехсвятский поднес ему зажигалку, только мотнул головой.

— Потом. Сейчас неохота.

Всехсвятский посмотрел на него сердито.

— У меня сегодня была ваша жена,— сказал он.

Костурич поднял глаза. Всехсвятскому даже показалось, что он чуть-чуть улыбнулся. «Понравилось, что я сказал — жена, а не бывшая жена»,— догадался он.

— Скандал мне за вас устроила,— сказал Всехсвятский.

— За меня? При чем тут вы?

— Она недовольна, что мы вас тревожим, расспрашиваем, не даем вам спокойно проходить трудовое воспитание.

Костурич усмехнулся.

— Термин вы нашли удачный. «Трудовое воспитание».

— Она очень на нас сердилась, что мы вас допрашиваем без адвоката.

— Это ведь, кажется, еще не делается? Да все равно. Все для меня так складывается, будто кто-то специально подстроил.

— А вы думаете, что кто-то мог специально подстроить?

— Да нет,— сказал Костурич устало.— Кому до меня дело? Кому я мешаю? То есть, конечно, я вполне готов для витрины «Они мешают нам жить». Но это по другой линии.

— Еще ваша жена выражала удивление... В общем, она говорит, что не понимает, почему вы рассчитывали, что ее отец вам поможет.

— Она права,— сказал Костурич.— Я и тогда понимал: не обязан он был нам помогать.

Всехсвятский помолчал, побарабанил пальцами по столу. И тогда Никулин сказал:

— Ведь у него была материальная возможность это сделать? Не обязан, мы понимаем. Но возможность-то он имел?

— Ну, а как же! — сказал Костурич, не задумываясь.— Марочка! Ведь марочка-то его каких денег стоит! Видели вы в его часах марочку?

Всехсвятский не посмотрел на Никулина. Он опустил глаза и видел перед собой стол да собственные короткие пальцы, которые отстукивали частую, еле слышную дробь. Он стиснул пальцы ног, чтобы лицо оставалось ненапряженным, и сказал:

— Вы-то когда ее в последний раз видели?

— Ну, когда! — сказал Костурич.— Когда еще жил там, конечно. Все ведь, в общем, из-за нее и вышло! Алла вам не рассказывала?

— Ммм...— сказал Всехсвятский.— Нет, этого она нам не рассказывала.

— Могу рассказать, если вас интересует. Теперь-то это уже не секрет. Это давно было, когда мы только поженились. Сидим мы както втроем за столом — Полина Федоровна по магазинам двинулась, дело к ноябрьским шло, в общем, праздники впереди, у всех настроение такое благодушное... Алла говорит: «Папа, расскажи Алику про свои часы». А у него часы такие необычные, в старину это называлось «луковица», карманные, да вы же видели. Он — говорю вам, настроение было праздничное — вынул часы, показал, рассказал, откуда они у него: после победы он, оказывается, с каким-то казаком махнулся, не глядя, ну, вы знаете, как тогда это делалось.

Всехсвятский кивнул. Еще бы ему не знать! И вдруг на минуту ударило по всем его чувствам воспоминание о том мае: свет, тепло, запах луга и солдатской кухни, беспорядочная стрельба и новенький орден Красной Звезды, который он все нащупывал украдкой...

— Ну, Никодим Ефимович вынул часы, положил на стол; я взял, повертел, открыл крышку — у них двойная крышка была. Смотрю — между крышками марка, синенькая, в прозрачном конвертике, гашеная... Я говорю: «И марка там лежала?» Он немного нахмурился — рассердился, верно, что я крышку открыл без спросу... Но ответил: «Представь себе — была». Вынул я марку, стал через прозрачную оболочку рассматривать... Понимаете, я некоторое время марки собирал, ну, как все мальчишки собирают. Потом это у меня прошло, но все-таки я кое-что читал, помнил. Смотрю — глазам не верю: «Голубой Маврикий»! Пост офис! Я говорю ему: вы знаете, что это за марка? Вообразите: он не знал!!!

— Розовая Гвиана и синий Маврикий,— сказал Никулин мечтательно.— У нас в шестом классе вдруг все с ума посходили... В общем, кино!

— Настоящее кино. Я потом спрашивал: «Никодим Ефимович, неужели вы и правда не знали?» Уверял, что не знал. В общем, я его еле умолил на экспертизу эту марку отправить. Уговорил.

— Она?

— Она. Но он это в секрете держал. Даже Полине Федоровне не сказал и нам запретил: пусть, говорит, это будет ей сюрпризом. А потом сказал: «Пусть будет нам резервом на старость». Мы, ясное дело, не возражали — его марка, его дело. Только вот когда началось это с квартирой...

Костурич опустил голову.

— Понимаете, он не хотел ее продавать в частные руки. Тут он прав был, по-моему. Это штука для государственной коллекции. Ну, ладно, сейчас уж решать Полине Федоровне, а не нам с вами. Верно?

— Верно-то верно,— сказал Всехсвятский.— Теперь Полина Федоровна — хозяйка. Но неужели она раньше не знала?

— Мы ей, во всяком случае, не говорили.

— И даже когда ссоры все эти происходили насчет кооператива?

— А ссор не было,— сказал Костурич.— Это только один разговор был, и довольно короткий. Он отказал — мы приставать не стали. Полина Федоровна, я думаю, и не знала, на что мы рассчитывали. То есть она эту марку, наверное, сто раз видела, но ей и в голову не приходило.

— И так он ее и носил — в часах?

— Так и носил. Там, где вы ее и обнаружили.

Всехсвятский вздохнул.

— В том-то и дело...— сказал он медленно.— В том-то и дело, Александр Дмитриевич, в том-то и дело, глупый вы человек, что ничего мы в тех часах не обнаружили.

— Нет?!

— Нет.

Всехсвятский покачал головою сокрушенно:

— Балда вы, Костурич. Кошмарная, всехсветная, небывалая, бесподобная балда. Давайте говорите, кому вы про эту марку еще рассказывали? Только без вранья, ясно?

Костурич смотрел на него, оглушенный и слегка ободренный.

— Думайте, ясно? Вспомните, кто еще знал про эту марку. Ну, люди из экспертизы. А еще кто? Частный эксперт какой-нибудь? Из приятелей к т о? Есть у вас приятели-филателисты?

Костурич покачал головой.

— Давайте вспоминайте. Потому что вывод знаете какой?

— Какой? — спросил Костурич.

— А такой вывод: только вы и ваша жена знали, что у покойного Соколовского за крышкой часов, как говорится в романах,— целое состояние. Фу ты, господи, какие-то парижские тайны. Сплошной Бальзак. Или не Бальзак? Никулин, кто написал «Парижские тайны»? Не знаешь? Эжен Сю, вот кто написал. Между прочим, это надо знать, их сам Маркс разбирал. Костурич, вы тоже не знаете? Ну, ладно, вам Эжен Сю не подмога. Так поняли, какой вывод?

— Понял, наверное,— сказал Костурич.— Я же говорю: получается, как будто кто-то нарочно подстроил. Да понял, понял я! — ответил он на нетерпеливое движение Всехсвятского.— Раз об этом, об этой марке знали только мы с Аллой, значит, один из нас ее и взял. Алла отпадает — значит, я.

— Притом что вы еще и болтались в тот день около их дома. Что вас понесло, не могли, что ли, с сыном посидеть в этот день. Ну, пошла она в кино с этим Жуковым... Да знаю, знаю. Звонили вам. То-то и есть — звонили. Кстати, Жукову вы не могли сказать о марке?

— Да нет! — отмахнулся Костурич.— Никому я о ней не говорил.

— А спьяну проболтаться не могли? Вы же себя не помните, когда пьяны. Этого Фомина чуть не покалечили.

— Не знаю... Не думаю. Нет, не думаю. Когда эта история с маркой была, мы еще с Аллой вместе были.

— Что ж, вы никуда не ходили без нее?

Костурич взглянул растерянно:

— Вы знаете, практически нет. В общем, до рождения Лодьки — нет. Это потом уже, когда Лодька родился. Они, между прочим, всё нам говорили, что мы с ребенком поспешили.

— Кто они? Соколовские?

— Ну да, они. Я теперь думаю: может, и правда мы поспешили? Ну, ладно, это к делу не относится. Так вот, при Алле — не мог, в тот первый год. И тогда я еще не так... набирался... Еще себя как-то держал. Ну, а потом-то я уже о ней и не думал, о марке. С чего бы я стал про нее рассказывать? У меня хватало своего.

Всехсвятский опять забарабанил по столу.

— Ладно, Костурич,— сказал он наконец.— Добирайте свои пятнадцать суток спокойно — больше я вас сюда вызывать не буду. И прослушайте маленькую лекцию — экстракт из чужого опыта. Из моего личного, а также из опыта всего человечества.

— Пьянство — зло,— сказал Костурич.

— В двух словах — верно. Но слабо. Пьянство — преступление. Где пьянство, там преступление. Вы все равно убийца, поняли, Костурич? Вы подготовили это убийство — вашим образом жизни, вашей расхлябанностью, вашим разложением как личности. Вы давно уже дышите воздухом преступления, вдыхаете и выдыхаете воздух преступления и перестали это замечать. И за вами, по следам вашим идут трезвые, хитрые негодяи, которые осуществляют то, что вы сеете. Поняли вы, Костурич? Все это вещи немудреные. Но теперь давайте думать. Не о своем будущем — тут надо будет в больницу, лечиться, это все ладно. Сейчас вы про другое думайте. Утром думайте, днем думайте, перед сном думайте. Вы должны вспомнить, кому вы могли сболтнуть про эту марку. Ищите, как хлеба ищут. Вы возьмите в толк: от этого зависит вся ваша дальнейшая жизнь. И не объясняйте мне про алкоголь, что он вам осыпает мозги,— такого объяснения не приму. Все! Отбудете пятнадцать суток — приходите сюда. Вам будет внизу пропуск. Все! И не вздумайте отпраздновать свое освобождение у первого же ларька! Рано еще праздновать! Все!

Он позвонил милиционеру, и Костурича увели. Еще не закрылась дверь за Костуричем, как он стал набирать на телефонном диске номер Аллиной работы. Когда она наконец подошла, сказал, что просит ее явиться в управление немедленно, очень срочно. Положил трубку и посмотрел на Никулина с нежностью.

— Ай, умница! — сказал он.— Ай, молодец! Сумел задать вопрос!

Никулин глядел скромно.

Всехсвятский пригорюнился и сказал:

— Я тебе портрет свой подарю. Увеличенный, чтобы ты мог его на стену повесить. И напишу: победителю-ученику от побежденного учителя. А сам уйду на преподавательскую работу.

— Пошли выпьем, Гень-Ваныч,— сказал Никулин.

— Мысль!—согласился Всехсвятский.—Тройной кофе! А когда закончим это дело, пойдем в «Север». Будем пить шампанское и кушать пирожные. За мой счет, чтот-ты! Сколько ты можешь съесть пирожных?

— Я, в общем, не очень к сладкому...— признался Никулин.

— Больше на горькую нажимаешь? Между прочим, напрасно. Вот смотрю я на этого Костурича и прямо болею душой. Когда я уйду на преподавательскую работу, я первым делом организую на кафедре общество трезвости.

— Тут я вам не помощник,— сказал Никулин.

Когда они вернулись, Алла уже ждала в коридоре.

— Проходите, Алла Никодимовна,— пригласил Всехсвятский. Он пропустил ее в дверь, подождал, пока она сядет, сел сам и посмотрел на нее. Она была скована, напряжена и покусывала губы, чтобы скрыть тревогу.

Он спросил:

— Кому вы рассказывали о том, что у вашего отца обнаружился «Голубой Маврикий»?

Алла вздохнула и сказала:

— Не помню. Могла кому-нибудь рассказать, конечно. На работе или еще где-нибудь. Просто сейчас не помню.

Всехсвятский покачал головой укоризненно.

— Кончайте эти глупости, Алла Никодимовна. Дело серьезное. Мы знаем теперь, из-за чего был убит ваш отец. Мы еще не знаем, кто его убил, но...

Он поднял палец:

— Но! Мы знаем, кто этого не — понимаете? — не сделал. Ваш муж этого не сделал, ясно?

Тут он в первый раз увидел у Аллы улыбку и диву дался, как эта несложная игра продольных и поперечных мускулов может преобразить женское лицо. Потом, когда они говорили об этом явлении с Никулиным, Всехсвятский сказал:

— Я ведь все-таки помню литературу: Лев Толстой, например. Но чтот-ты! Это ж видеть надо! А я все понять не мог, что этот парень в ней нашел.

Он тоже улыбнулся ей. И она спросила доверчиво:

— Это он вам рассказал про марку?

— Ну, а кто же еще? Вот я вас и спрашиваю: кто мог еще о ней знать? Вы кому говорили? Давайте без дураков!

— Без дураков — никому. Отец просил не рассказывать.

— А когда вы ее видели в последний раз?

— В последний раз? Дайте подумаю.

Алла нахмурилась.

— Нет, в тот день не видела. Я ведь в тот день вообще... Я в тот день вообще отца живым не видела.— Она резким движением провела рукой по лицу, словно стирая что-то.— Но накануне видела. И перед тем каждый день. Видите, у отца выработалась привычка: сперва посмотрит на часы, потом открывает заднюю крышку. За столом я с ним рядом сижу... сидела, так что невольно тоже поглядывала. Была марка там, была, до последнего дня была.

Следовало бы сказать этой женщине, что из-за ее дурацкого поведения затянулось следствие, что если б с самого начала было известно об исчезновении такой ценности, ход дела был бы другой; следовало хорошенько пробрать ее, отвести душу. Но он ничего этого не сделал. Он молча ждал. И она сказала:

— Простите, я, наверное, очень виновата. Но я боялась... Уж очень все складывалось так...

— Вы, значит, все-таки допускали, что это может быть...

— Нет, нет! Что вы! Нет, я не допускала... не думала... Но понимаете, как получилось: все, что я могла сказать, непременно обращалось против него. Я-то знала, что это не он, а вы ведь не обязаны знать. А как вы поняли?

— У нас есть свои маленькие профессиональные тайны,— сказал Всехсвятский важно.

Потом он говорил Никулину:

— Профессиональная тайна — это то, что я сделал грубую ошибку. Я дал понять этому дураку Костуричу, что жена за него, что она его покрывает. Таких вещей не делают, это тебе любой районный уполномоченный скажет. А я, старый филин, сделал такую промашку!

Он качал головой и делал вид, что расстроен.

— Такая грубая промашка вышла! На преподавательскую работу! Какая там преподавательская работа! В секретари суда я бы не взял такого работничка!

Он прошелся по комнате слегка пританцовывающей походкой, поглядывая искоса на Никулина, причмокивая языком и поводя плечами.

— Ц-ц-ц, надо же, такая промашка!

Он был страшно доволен, Никулин это видел. И понимал, что никакая это не промашка, что сделал это Всехсвятский по моментальному вдохновению, вполне сознательно и вот празднует первую победу. Имеет право. «На мой характер,— думал Никулин,— я бы еще не праздновал, он сам говорит, рано праздновать, но...»

— У вас есть концепция, Евгений Иваныч? — спросил он.

— Фактики, фактики нам нужны, а не концепция,— сказал Всехсвятский и крепко потер руки.— Фактиков у нас маловато, чтот-ты! Но кое-что... кое-что уже есть. Вот такая марочка. Сколько все-таки она может стоить?

— Десятки тысяч. На валюту.

— Ниччего, ниччего! Вполне достаточно, чтобы... Ай, какая получается удивительная история! Хоть в «Известия» посылай! Ладно, товарищ Никулин. Вы отдадите Анечке протоколы, а я пойду проветрюсь.

Он поехал в районное отделение, где содержался Костурич, и получил там его увеличенную фотографию, предназначавшуюся для районной витрины нарушителей общественного спокойствия. Всехсвятский взял фотографию и поехал в тот самый злополучный кинотеатр. Там он походил, погулял по фойе, позвонил по телефону Никулину, зашел в буфет, поговорил с кассиршей и с билетершей. Оказалось, что билетерша в театре новая, буквально на этой неделе появилась — замещает прежнюю, которая бюллетенит. Всехсвятский поинтересовался адресом прежней, получил его — оказалось, что она живет в этом же микрорайоне,— и пошел навестить больную.

Больная билетерша была тучная, сырая женщина, с шумом переводившая дух после каждой фразы. Всехсвятский показал ей фотографию Костурича, она его узнала и соболезнующе спросила:

— Опять что-нибудь натворил?

Всехсвятский пробыл у нее около получаса, от нее снова вернулся в кино и опять поговорил там с кассиршей. Потом зашел в парикмахерскую в Дом быта — ему давно нужно было постричься. Потом поехал в клуб филателистов, но в этот день клуб был закрыт. Он поехал в их правление — там тоже было закрыто. Он помянул недобрым словом сотрудников, которые дали ему адрес и не выяснили, в какие дни эти почтенные учреждения работают. У него оставался еще сад Карла Маркса, где летом филателисты встречаются на свежем воздухе, но он рассудил, что время осеннее, и поехал домой.

XII

В следующие два дня Всехсвятский словно забыл о деле Соколовского: помогал Никулину оформлять его отчет по командировке, комментировал статьи из журнала «Человек и закон», обсуждал с Щавинским его впечатления от поездки в Москву. В конце недели он сам туда собирался, хотел выяснить, что надо смотреть в театрах. Никулин недоумевал:

— Можно подумать, что вы в Новозыбкове живете, Гень-Ванович. Тут у нас и Большой драматический, и Ленком на подъеме, и Мюзик-холл... Хоть бы раз сходили! Нашу Малеванную москвичи смотреть ездят, а вы...

— Ты мне еще должен за это спасибо сказать! — возражал Всехсвятский.— Если бы не я, ты бы был таким театралом? Кому приносит Медея Перикловна билеты? Всехсвятскому приносит, любимому начальнику. А кто ходит? Никулин с супругой ходит. И потом еще недоволен.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ НЕДОГОНОВА

НЕДОПИСАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Судьба обошлась с ним довольно круто. Ему не было и четырех лет, когда в пору острой гражданской войны на Дону, вдали от родного дома умер его отец, которому тоже не от хорошей жизни пришлось в юности податься на заработки в Александровск-Грушевский (ныне город Шахты).

— Алексей,— рассказывал мне живущий и теперь в родном городе поэта его брат Василий Иванович,— был большим непоседой. Куда только не забирались мы с ним в летнее время!

Наверное, об этой поре своего отроческого бытия поэт и вспоминал в стихотворении «Каска»:

Росли мы с братом. Вместе ели, пили,
готовили еду из отрубей,
с рогатками за пазухой ходили,
гоняли с колокольни голубей.

На тот же рудник, где работал когда-то его отец Иван Филиппович, пошел искать свою долю и Алексей Недогонов. Ему, ученику горно-промышленного училища, не надо было долго осваиваться с недрами: он ловко орудовал пилой и топором, ставил в подземных выработках крепи, потом, как более сметливый паренек, приловчился ремонтировать со слесарями горные механизмы, а вскоре стал управлять врубовой машиной.

Но этого ему было мало. Сокрытые в нем неуемные силы и таланты искали иного выражения.

К восемнадцати годам Алексей, видимо, окончательно утвердился в своих намерениях, соразмерил с ними свои задатки и с дерзкой отвагой молодости устремился в столицу. Здесь он не затерялся в шумном многолюдье. Поступив на завод в Филях и немного осмотревшись, он предложил заводской многотиражке стихи, написанные им, несомненно, еще в Шахтах, и они вскоре появились на ее страницах. Тогда же он был принят в числе первого набора на вечернее отделение только что открытого Литературного университета (теперь это Литературный институт имени М. Горького).

Вскоре он уже был автором многих стихотворений о Донщине, о лебедях и речных затонах, стихотворений, в которых сквозь романтическую созерцательность проглядывало истинное гражданское чувство. И отнюдь не случайно в его лирическое «Прощание» с благостной картиной тихой осени, опадающими листьями клена и улетающими за море традиционными журавлями врывается вдруг резкая, тревожная нота:

— Скоро будет война!
Поцелуй ты меня на прощанье...

Шестью строчками ниже этому возгласу тревоги он придал звучание набата:

Завтра будет война!
По заставам грохочут копыта,
и над пашнею мира
ревет боевая труба.

За время этой войны Алексей Недогонов прошел по равнинам и горным дорогам семи государств тысячи километров, преодолел все фронтовые лишения и страдания, создал около шестидесяти стихотворений, одно другого лучше, и в том числе особенно памятные, сочетающие в себе суровость и нежность, любовь к жизни и готовность пожертвовать ею во имя победы, стихотворения «22 июня 1941 года», «Письмо», «Пулеметчик», «Гнездо», «Весна на старой границе», «Баллада о железе» и многие другие. Они потому волновали и волнуют людей, что в каждом из них поэт мастерски запечатлел важные мгновения нашего мятежного века, оставил частицу своей души.

Он вдохновенно, напряженно трудился и по возвращении с поля брани: дописывал обширную «Легенду о двух пулеметчиках», поэму «Дождь», написал много новых стихов, продолжал работать над задуманной и выстраданной еще на фронте поэмой «Флаг над сельсоветом».

Когда-то, вглядываясь в свое будущее, Недогонов писал с грустным упованием: «Слава, слава, как ты далека!..» После победы его невеселые раздумья сменились оптимистичным утверждением: «...до ста лет, наверно, проживу я, коль своею смертью не умру». И своими гаданиями словно напророчил себе погибель: несчастный случай унес его в могилу на тридцать четвертом году жизни. А вскоре пришла к нему и посмертная слава: его поэма «Флаг над сельсоветом» была удостоена Государственной премии и получила в народе широкое признание.

Так и жил и умер он молодым, и вся поэзия его проникнута любовью к жизни и России, духом молодости и непокорства. Таким и пребудет он в памяти потомков.

Алексей ИОНОВ

У Медеи Перикловны зять был театральным администратором.

В разговор включался Щавинский и принимал сторону Никулина. Сам он тоже в театр не ходил, потому что всем зрелищам предпочитал футбол, но Никулина поддерживал самокритикой:

— Называется, живем в Ленинграде. А на самом деле живем около телевизора. Знаете анекдот про телезрителя, который...

— Мало ты по Ленинграду ездишь? — недоумевал Всехсвятский.

— То я по работе езжу. А в Эрмитаж пойти со школьных лет времени не нахожу. И так во всем. Уйду на пенсию — уеду в Камышин. Телевизоры и там есть.

— Почему в Камышин? Ты ж там никогда не жил!

— Вот потому и в Камышин, что никогда там не жил. Буду в Волге рыбу ловить. Если останется там рыба.

— Никулина в гости пригласи! — сказал Всехсвятский.— Он подледным ловом увлекается. Он мне даже такую интересную деталь рассказал: корюшка на себя клюет.

— Кто ж этого не знает! — сказал Щавинский.

Всехсвятский не знал. Он смотрел на свои пухлые, короткопалые руки и с неудовольствием думал, что даже с таким простейшим мужским занятием, как рыбная ловля, они незнакомы. Не умеют, не приспособлены. Вот та пращурка, поповна, от которой достались Всехсвятскому в наследство эти коротенькие кисти, наверное, очень ими гордилась! Эх, был бы на дворе девятнадцатый век — пошел бы он в гусары! Чтобы быть красивым!

Жизнь шла неторопливо — два дня выдались на редкость спокойные. Погода установилась — толстый снег лежал на улицах, и порой даже солнцу удавалось посмотреть на принарядившийся по-зимнему город. Всехсвятский любил первые зимние дни и радовался снегу, как южанин,— до сих пор не привык к этому феномену природы.

Дома он рисовал на бумаге какие-то схемы из кружочков и палочек в разных сочетаниях. И некому было помешать ему в его уединенных занятиях, а как он сердился когда-то, если его отрывали! Потом жена поняла и не стала ему мешать. Она знала, что когда он вот так запирается и что-то чертит несуразное — ей на глаза не раз попадались эти листки,— то через несколько дней он скажет ей:

— Помнишь, я тебе рассказывал...

Жена всегда отвечала, что помнит.

— Так вот, распутали мы это дело.

Иногда он добавлял какие-нибудь подробности, иногда ограничивался таким кратким сообщением. И тогда они шли в театр или в гости, и по дороге домой он говорил ей, что это его последнее дело и теперь он обязательно уйдет на преподавательскую работу.

В его воспоминаниях жизнь с Таней становилась все идилличнее и прекраснее, хотя не так все безоблачно было в этой жизни — ведь почти серебряный срок вместе прожит. Кто это сказал? Экзюпери, кажется: любовь — это не значит смотреть друг на друга, это значит смотреть в одну сторону. И это у них было: они смотрели в одну сторону. И если случалось ему засматриваться на кого-нибудь другого — это не мешало.

Хотя... В те трудные годы... те семь лет, когда он ушел из следственного отдела, не поладив с начальством, и работал юрисконсультом на заводе... Пожалуй, тогда они не только смотрели в одну сторону — они смотрели друг на друга. Тогда смотреть друг на друга для них и означало смотреть в одну сторону. И он не зевал по сторонам.

Но когда заболела Таня, он смотрел только на нее и видел, как обтягивается, усыхает ее лицо, и не мог это остановить.

Продолжение следует.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Эти журналы — наши добрые друзья. Самый частый адрес репортажей на их страницах — Советский Союз. Самые популярные слова на их страницах: «дружба», «сотрудничество», «интернационализм».

В канун праздника мы позвонили в несколько редакций и задали один-единственный вопрос: о чем расскажут наши братские журналы социалистических стран в своих праздничных номерах?

«ПШИЯЗНЬ»,
Варшава.
У телефона главный редактор Доброслав ПОПШЕЧКО:

— Этот номер выйдет, когда соберется IX съезд Общества польско-советской дружбы. Номер, который каждый делегат будет держать в руках, станет как бы нашим отчетом съезду.

Рабочий, ученый, инженер, студент — всего девять читателей — отвечают на анкету «Пшиязни». В ней 3 вопроса: самое большое достижение Советского Союза; влияние Великой Октябрьской социалистической революции на весь мир; какое значение имела революция для польского народа. Станислав Захарчук, слесарь Варшавского станкостроительного завода, дал, например, такие ответы:

— Самое большое достижение СССР — это промышленность. Во многих ее отраслях Советский Союз занимает ведущее место в мире. Особенно впечатляют успехи советской металлургии, нефтехимической промышленности, машиностроения, которые ощутимы и здесь у нас, в Польше, и даже на нашем заводе.

— Рождение Советской страны, а затем социалистической системы принципиально изменило обстановку в мире. Мирное наступление социалистических государств, разрядка напряженности — это продолжение идей Октябрьской революции.

— Революция позволила Польше обрести независимость. Освобождение от фашистского ига пришло из страны, где революция победила первой. И сейчас отношения между нашими народами таковы, что достижения одного — это и достижения другого.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
Прага.
Говорит ответственный секретарь редакции Хана КУБАЛОВА:

— Наши корреспонденты побывали в далеком горном хуторе в Южной Чехии, под Будеёвицами, и встретились с людьми, которые во время войны скрывали бежавших из плена советских солдат, ухаживали за ранеными партизанами. В одной семье любовно хранится фотография молодого парня по имени Анатолий. Он был первым советским человеком в этом доме. Память о нем — только эта фотография, имя да еще несколько сведений из его рассказов: до войны Анатолий был инженером, отец — директором одной из московских школ. Мы публикуем фотографию. Может быть, отыщется русский солдат Анатолий, о котором вот уже тридцать лет хранят память на чешской земле?

В канун 57-й годовщины Октября и открытия месячника чехословацко-советской дружбы в редакцию пришло много писем. Часть их публикуется в этом номере. Вот письмо читателя Франтишка Клучки из Праги:

«У каждой страны — свои традиции. У нас, на чехословацкой земле, к самым красивым традициям принадлежит месячник чехословацко-советской дружбы. Он дает возможность глубоко узнать о жизни советских трудящихся, которые под руководством Коммунистической партии первыми вышли на путь строительства нового, справедливого общества. Этой традиции уже 25 лет. Некоторые пытались уничтожить ее, но не сумели. Им сказали «Нет!» многие тысячи моих соотечественников, объединенных в Обществе чехословацко-советской дружбы. Дружба с СССР — часть нашей жизни».

В этом году месячник откроют «Дни русской и советской музыки» в Банска-Бистрице, в сердце Словацкого национального восстания.

«ОРСАГ-ВИЛАГ»,
Будапешт.
Сообщает редактор отдела международной жизни Петер СИЛАДИ:

— Наш праздничный номер открывается портретом Владимира Ильича Ленина. Это он приветствовал венгерских трудящихся, которые откликнулись на революцию в России провозглашением Венгерской Советской республики. Ленинские идеи нашли свою родину в новой, социалистической Венгрии. Октябрьская революция получила глубокое отражение в венгерской литературе. Мы предлагаем читателям отрывки из произведений Шандора Барты, Андора Габора, Антала Гидаша, Йожефа Лендьеля и других. У Антала Гидаша, известного поэта, переводчика Пушкина, Лермонтова, Маяковского, есть такие строки:

«О Венгрия! Кто охранит
Судьбу грядущих поколений?!
И эхо мощное гремит:
«Ленин!»

О Венгрия! Как добрый друг,
Кто спас всех нас?
Ты помнишь это?!
И эхо вновь гремит вокруг:
«Страна Советов!»

Годовщине Октября посвящается неделя советского фильма в Будапеште, и журнал рассказывает о новинках советского кино.

Центральный репортаж номера — его написал наш московский корреспондент Бела Баняс — с Байкало-Амурской магистрали. А снимки к репортажу сделаны корреспондентом «Огонька» Георгием Розовым, который вместе с нашим корреспондентом совершил поездку в Сибирь. Наши читатели в курсе всех событий, которыми живет Советская страна, тем более если речь о такой важной стройке, как БАМ.

«ОГНИ БОЛГАРИИ»,
София.
На вопрос «Огонька» отвечает член редакционной коллегии Моника МИТЕВА:

— Главный материал праздничного номера — воспоминания Л. А. Фотиевой о Владимире Ильиче Ленине. Все, что связано с именем Ленина, дорого сердцу каждого болгарина, и новая страничка Лениниана на болгарском языке — это подарок для наших читателей.

Несколько страниц занимает рассказ о коммуне имени Димитра Благоева. Судьбы многих болгарских революционеров связаны с родиной Октября. После того как было подавлено Сентябрьское антифашистское восстание 1923 года, патриоты нашли убежище в СССР. Болгарские политэмигранты Цвятко Радойнов, Борис Чехларов и Добри Манджаков организовали на Полтавщине сельскохозяйственную коммуну, которую назвали именем основателя Болгарской коммунистической партии. Созданная в годы, когда в стране начиналось колхозное движение, коммуна своим примером агитировала крестьян за коллективизацию.

Журнал расскажет о советско-американском эксперименте «Союз» — «Аполлон», и не случайно именно в праздничном номере. Опыт такого сотрудничества стал возможен в результате внешней политики СССР, принципы которой были сформулированы в первых декретах Советской власти.

Пример сотрудничества социалистических стран — автомобиль «Жигули». Наглядное подтверждение преимуществ социалистической интеграции, он не только покоряет сердца автомобилистов, но и опрокидывает расчеты некоторых политиков. Репортаж о производстве «Жигулей» родился тоже в результате «интеграции» — в содружестве с «Огоньком».

Разговор по телефону вел корреспондент «Огонька» Б. ЛАБУТИН.

Наши читатели Е. Дурасова (Москва), И. Харченко (Полтавская область, село Чернышевка), Г. Уразбаева (г. Петропавловск), Л. Шабатова (Казахская ССР, г. Чардара), Н. Мусина (Татарская АССР, село Брод), Т. Кубарь (Харьковская область, село Берестовое), Г. Чиняева (г. Джамбул) и многие другие просят рассказать о лучших фигуристах.

Заканчивается межсезонье фигурного катания — вот-вот запестрят афиши турниров и показательных концертов, телекамеры скрестят взгляды на льду, и сезон 1974/75 года откроет нам свои тайны.

Прошедший принес традиционные, но всегда новые радости: победы Ирины Родниной и Александра Зайцева, Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова, серебро Сергея Волкова... Принес традиционные, в сущности, хотя всегда новые огорчения: очередной провал в женском одиночном катании. Но это только внешне все выглядит так «несобытийно» и «бесконфликтно» — событий было много, и я попытаюсь собрать их в основные сюжетные узлы.

Начну с танцев, ибо здесь произошло долгожданное событие: танцы наконец-то приняты в олимпийскую семью. Значит, доказана их спортивность, значит, конец разговорам о том, что-де парное катание — это спорт, там поддержки, одиночное — тоже, там многооборотные прыжки, а «танцульки», мол, так — от ревю отстали, к спорту не пристали. И вот МОК своим решением как бы констатировал, что танцы на льду — это спорт.

Фигурное катание — один из самых зрелищных, но и самых дискуссионных видов спорта. Многих располагает к дискуссиям то обстоятельство, что фигурист получает две оценки, и вторая дается «за художественное впечатление». А коли так, то я, скажем, дилетант в спорте, но человек, прекрасно разбирающийся в музыке, в балете, порой считаю себя компетентнее арбитров в вопросах этого самого «художественного впечатления». Отсюда разговоры о том, что фигурное катание ближе к искусству, нежели к спорту, это пластика, одухотворенность, и она значительно важнее, нежели сложность и темп. Отсюда давление, которое порой испытывает этот вид спорта со стороны самых широких кругов, давление, не всегда приносящее пользу делу.

Но можно ли оценить технику исполнения программы в 5,2, а художественное впечатление — в 5,8? По-моему, невозможно. Пустые, бессодержательные стихи не станут полнее и содержательнее оттого, что автор вывел их красивыми буковками. И решение МОК, думается, еще раз утвердило примат спортивности (содержания) над внешними аксессуарами исполнения (формой).

Мы можем с уверенностью сказать, что чести быть причисленным к олимпийским видам спорта танцы добились в значительной степени благодаря успехам Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. О них принято говорить и писать, как о великих артистах на льду, мы восхищаемся той тонкостью, с которой они раскрывают характер музыки, тем, как виртуозно разрабатывают партитуру взаимоотношений партнеров, психологически точно играют свои роли. Но это возможно только потому, что Пахомова и Горшков так в совершенстве владеют техникой, что, кажется, нет для их коньков невыполнимых задач. Другими словами, спортсмен может быть актером, если он совершенен как спортсмен.

Очень приятно, что именно в прошлом сезоне, в первом году «олимпийской эры танцев», наши неизменные корифеи всех чемпионатов Людмила Пахомова и Александр Горшков получили подкрепление в лице других танцевальных дуэтов. Напомню: Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов стали бронзовыми призерами чемпионатов Европы и мира, Ирина Моисеева и Андрей Миненков поднялись на четвертую ступень в мировой иерархии.

О московских динамовцах Линичук и Карпоносове писалось и говорилось уже довольно много, мы справедливо восхищались, в частности, их блестящей техникой исполнения обязательных танцев или, например, тем, как стремительно — меньше чем за два года — юная Наташа сумела встать вровень со своим опытным партнером.

Несколько меньше известно о Моисеевой и Миненкове — поговорим о них. Они тоже молоды: партнерше еще не исполнилось 19, партнеру — 20. Они хороши собой и ни на кого не похожи. Думается, здесь как раз причина их быстрого успеха — своеобразие творческого почерка. Он лиричен, этот почерк, он тонок и изящен, и он трогает зрителя, обращаясь к самым его возвышенным чувствам.

Вы вольны поймать меня на противоречии: вроде бы, с одной стороны, я всячески поднимаю чистую технику в ущерб всяким там чувствам, доказываю, что реакция специалиста-арбитра важнее зрительской реакции, с другой...

Но ведь техника важна не сама по себе, она средство. И если вернуться к Пахомовой и Горшкову, то как раз в их распоряжении бездна блестящих технических приемов служит для того, чтобы передать нам, вызвать в нас целую гамму настроений и ощущений.

Этих навыков пока не хватает Моисеевой и Миненкову, но они шагают вперед собственным, только им свойственным путем, и новая программа, полагаю, понравится зрителю не меньше, чем прежняя.

Но обратимся к другому событию минувшего сезона, менее значительному, но очень яркому. Я говорю о канадце Толлере Крэнстоне, поскольку он событие.

Где-то в печати промелькнула фраза: «Крэнстон открывает новую эпоху». Думаю, это не так и не может быть так, прежде всего потому, что он неповторим, и я не представляю, как ему можно подражать. Когда он катает свою произвольную, забываешь считать прыжки — есть ли они, нет ли, двойные, тройные — неважно. Видишь невероятно выразительные, неправдоподобно гибкие изгибы его тела, его рук, все это трагический гротеск, шутка сквозь слезы. Говорят, он импровизирует на льду — во всяком случае, в показательных. Может быть, так, может быть, нет, но в это веришь, настолько свежо все, что он делает. Я сказал, что он неподражаем. Это не совсем так, подражать ему можно, но в одном — во владении коньком, в технике, которая дает ему полнейшую свободу и раскованность, словно все в шутку.

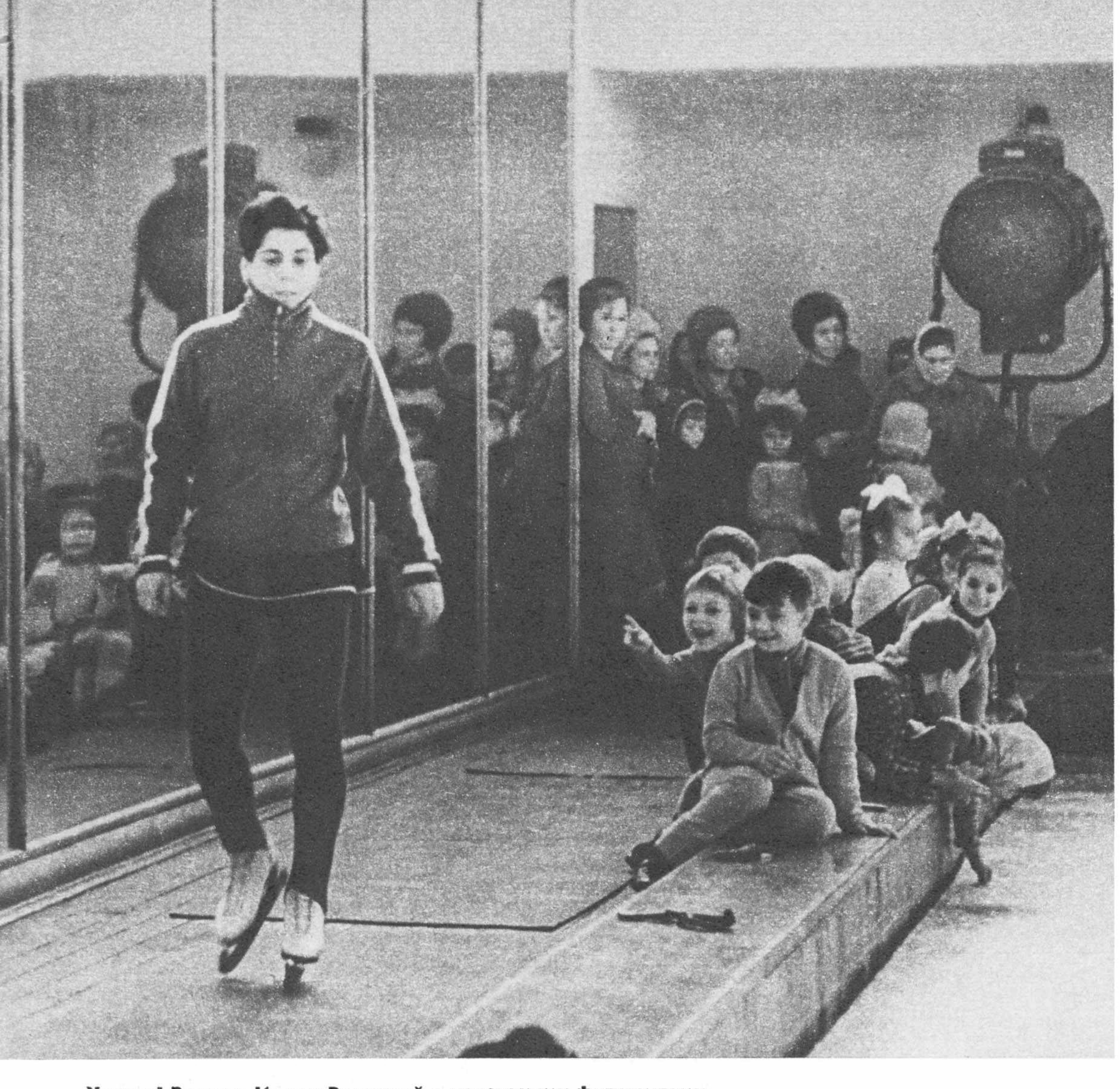
Вообще довольно явственно заметно, что сильнейшие одиночники канадо-американской школы владеют коньком значительно лучше европейцев и, в частности, лучше наших одиночников. Об этом я беседовал в свое время с Сергеем Четверухиным, который перед уходом из спорта месяц тренировался на льду у знаменитого американского специалиста Карло Фасси, воспитавшего незабываемую Пегги Флеминг. И не только методы Фасси бросились ему в глаза. Поразила удивительная серьезность и самостоятельность, с которой работают там спортсмены. И это естественно: за лед надо платить, за услуги тренера — тоже, за каждый совет — по часам, по секундомеру...

Это прекрасно, что наши спортсмены получают все от государства бесплатно. Но тренеры у нас порой вынуждены мучиться, уговаривая и погоняя своих учеников. Кстати, тот же Четверухин, став тренером, мучился-мучился, но так и не добился контакта с талантливым Владимиром Ковалевым, и, потерпев год, они расстались. В нынешнем сезоне у Кова-

ЧЕРТЕЖНИКИ И ХУДОЖНИКИ

С. ТОКАРЕВ

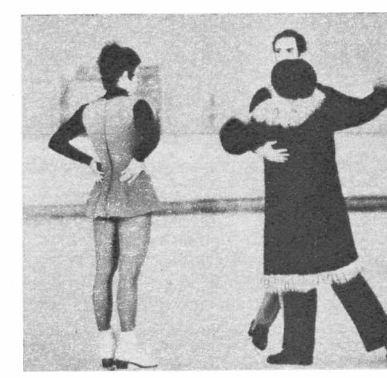
Фото А. БОЧИНИНА.

Узнали! Встреча Ирины Родниной с маленькими фигуристами.

Отличная пара — Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов.

Лучшие из лучших — Ирина Роднина и Александр Зайцев.

Рабочий момент. Е. А. Чайковская проводит тренировку Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова.

лева два тренера — за его обязательную программу отвечает Т. А. Толмачева, за произвольную — Е. А. Чайковская. Подобный эксперимент с разделением сил необычен, и хотя мы знаем мастерство Толмачевой в обучении «школе» и выдающееся постановочное дарование Чайковской, но лишь время позволит дать оценку результатам этого своеобразного опыта.

Однако вернемся к Крэнстону. Расхвалил я его, а ведь чемпионом мира пока Ян Хоффман, а второй — наш Волков, канадец же — только третий. Помню, утром, после вечернего телепоказа соревнований мужчин, Москва просто гудела — «засудили Крэнстона»...

Нет, не засудили. Как ни говори, программа фигуриста-одиночника — троеборье. Если гимнаст провалился на одном из снарядов, он абсолютным чемпионом тоже не будет. Оказалось, Крэнстон не слишком силен в «школе», в черчении на льду злосчастных «восьмерок» с крюками и выкрюками.

Еще совсем недавно в фигурном катании сложилось парадоксальное положение. Мастер «черчения кружочков», даже если он потом, в произвольной, неважно прыгал и вращался, становился все равно первым — была же такая Трикси Шуба, милая девушка, но, мягко говоря, не Флеминг... Вдобавок кружочки эти самые рисуются без зрителей — кто купит билет на столь унылое зрелище? Значит, судьба чемпионата решалась вообще в тайне от нас с вами.

Международная федерация наконец почувствовала нелепость подобного положения, ввела короткую программу, сократила количество обязательных фигур — это должно было как-то уравновесить ситуацию.

Уравновесить-то уравновесило, но есть здесь любопытный нюанс, чисто психологический. «Школу» фигурист катает вначале, перед короткой и произвольной программами, и впервые предстает перед судьями. Они о нем составляют впечатление, которое так у них и остается.

И может быть, оно все и правильно: коли есть троеборье, то и будь троеборцем. А мы: «Крэнстон, Крэнстон». ...Пусть-ка подтянет «школу». Что делать, фигурист не только художник, он и чертежником обязан быть.

...Хорошо, ну, а у нас в мужском одиночном есть ли сейчас силы поспорить с Хоффманом и Крэнстоном, пойти дальше, чем Четверухин и Волков? Тут ситуация такая: талантов много, а знаменосец (такой, каким много лет был Четверухин) пока не определился. Кроме Ковалева, о котором я уже сказал, есть еще и Волков, и Овчинников, и удивительно артистичный Бобрин, и 17-летний Костя Кокора, в которого советую вам всмотреться пристальнее — мальчик имеет четыре тройных прыжка, прыжок в три с половиной оборота и вообще мог бы украсить турнир любого ранга, не будь ему так трудно пробиться наверх сквозь строй наших взрослых маэстро...

Мировое женское одиночное катание получило в прошлом сезоне нового лидера. Кристи Эррат очень мила, на щеках у нее ямочки, она одна из немногих в мире прыгает чисто мужской тройной «тулуп». Она, конечно, пока тоже не Пегги и не Габи и кружочки рисует похуже, чем Трикси. Но в ней много спортивности, не меньше обаяния, и смотреть на нее приятно.

Здесь автору вроде бы самое время вновь вздохнуть о бедах нашего женского одиночного катания, вспомнить добрым словом Елену Щеглову, бывшую когда-то шестой в Европе, покритиковать Марину Санаю, Людмилу Баконину, других неудачниц, их тренеров...

Но не хочется повторяться. И смотреть назад тоже не хочется. Хочется, наоборот, заглянуть вперед — в даль не только наступающего сезона, но и вообще будущих лет. А там все не так уж мрачно. Например, у нас в спортивных обществах профсоюзов созданы две специализированные группы девочек — в Москве и Ленинграде, и то, что я знаю о работе московской группы, руководимой Э. Г. Плинером, очень интересно. У него не только прекрасно спланирована спортивная работа, но и весь воспитательный процесс налажен так, чтобы детям было прежде всего интересно жить. Их в театры водят, они прочитанные книжки обсуждают, кинофильмы... И учиться хорошо это помогает, и от нелегких многочасовых тренировок они, представьте, не устают.

С этими двумя группами решил потягаться наш знаменитый специалист С. А. Жук и создал тоже маленькую группку юных одиночниц. Умение Жука концентрировать усилия, его, так сказать, заряженность на идею нам известны. Вдобавок на этот раз он не готовит к сезону своих прославленных учеников Роднину и Зайцева.

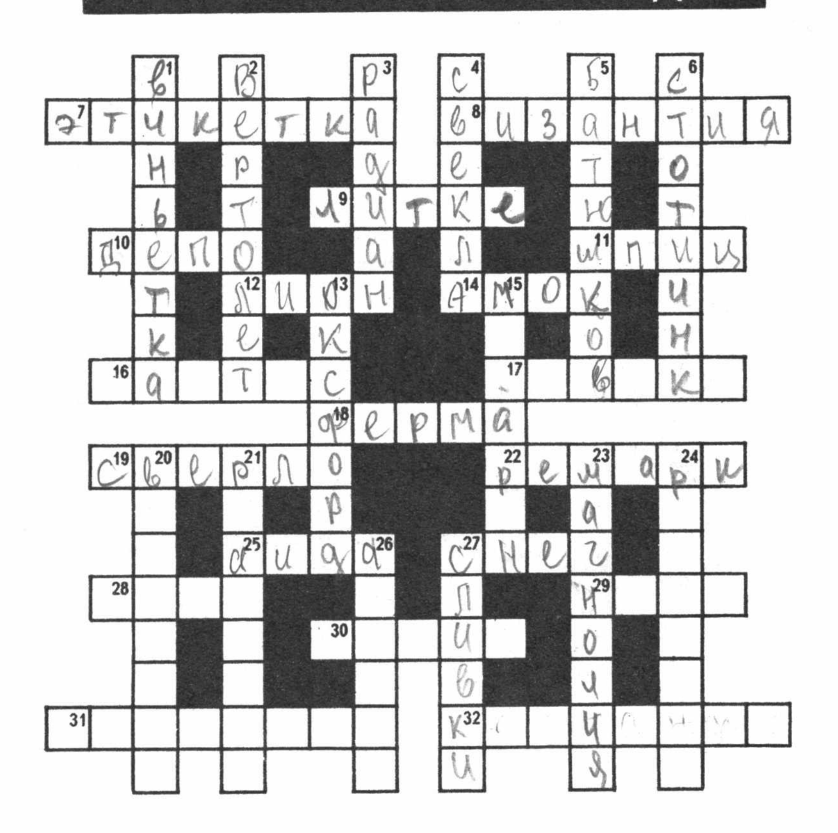
Сложно вдаваться во взаимоотношения спортсменов такого ранга и тренера такого авторитета. Скажу лишь, что, с моей точки зрения, основная причина — в тяжелой нервной усталости Станислава Алексеевича, приведшей к творческому спаду (надеюсь, временному) и, как следствие, к утрате им душевного контакта с Ирой и Сашей. Теперь наш лучший дуэт занимается у Татьяны Тарасовой, тренера, добившегося, несмотря на молодость (она всего на два с половиной года старше Иры), мирового признания. Черты, свойственные тренеру Тарасовой,— неиссякаемый энтузиазм, порыв, горение, самобытный почерк постановщика, приплюсованные к опыту, знаниям и мужеству Родниной, к дарованию и умению работать, присущим Зайцеву,— все это позволяет надеяться на то, что чемпионы Европы и мира будут кататься так же хорошо, а может, еще и обогатят свой стиль, найдут новые краски.

Жаль, что в этом сезоне мы не увидим на спортивном льду Людмилу Смирнову и Алексея Уланова, перешедших в балет на льду. Не только привычного нашего «серебра» жаль — просто не все свои возможности исчерпали спортсмены, не завершили поиска самобытной манеры, а были к ней совсем уж близки...

Но, как говорится, что сделано, того не переделаешь, надо надеяться, что Воробьева и Власов, Горшкова и Шеваловский, Леонидова и Боголюбов и другие из числа тех, кому пришло время оправдывать надежды, постараются сделать это побыстрее — не в нынешнем сезоне, так в следующем. Напомню — уже олимпийском!

Вот, думается, и все, что надо сказать на пороге сезона. А остальное пусть уж он сам доскажет.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Ярлык, вид товарного знака. 8. Государство, возникшее в конце IV века в Римской империи. 9. Русский мореплаватель. 10. Здание для стоянки и ремонта локомотивов. 11. Порода комнатных собак. 12. Административный центр во Франции. 14. Новелла С. Цвейга. 16. Автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. 17. Синтетическое волокно. 18. Несущая конструкция. 19. Ручной металлорежущий инструмент. 22. Немецкий писатель. 25. Опера Д. Верди. 27. Атмосферные осадки. 28. Аптекарская мера веса. 29. Приток Индигирки. 30. Металл. 31. Оперетта Ж. Оффенбаха 32. Рассказ А. П. Чехова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Графическое украшение в книгах. 2. Летательный аппарат. 3. Единица измерения углов. 4. Овощ, корнеплод. 5. Русский поэт. 6. Болгарская разменная монета. 13. Старинный университетский город в Великобритании. 15. Озеро в Швеции. 20. Оркестровое произведение. 21. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». 23. Вечнозеленое дерево. 24. Остров в Индийском океане. 26. Рыба, способная передвигаться по суше. 27. Молочный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Контора». 8. Просека. 9. Программа. 10. Дендрарий. 11. Ташкент. 15. Саванна. 17. Ополе. 18. «Прозаседавшиеся». 20. Орлан. 22. Таганай. 24. Толокно. 26. Причастие. 28. Геометрия. 30. Колобок. 31. Комедия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Автор. 2. Бисер. 3. Шоколад. 4. Гремин. 5. Гранка. 6. Окарина. 12. Колонка. 13. Толстой. 14. Гондола. 15. Сервант. 16. Аллегро. 19. Нахимов. 21. Инерция. 23. Астров. 25. Огород. 27. Апорт. 29. Егерь.

На первой странице обложки: Юность Туркмении.

На последней странице обложки: Ашхабад. Новый торговый центр.
Захмет — порт на Каракумском канале.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/X—1974 г. А 00663. Подписано к печ. 7/XI—1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2683. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2925.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

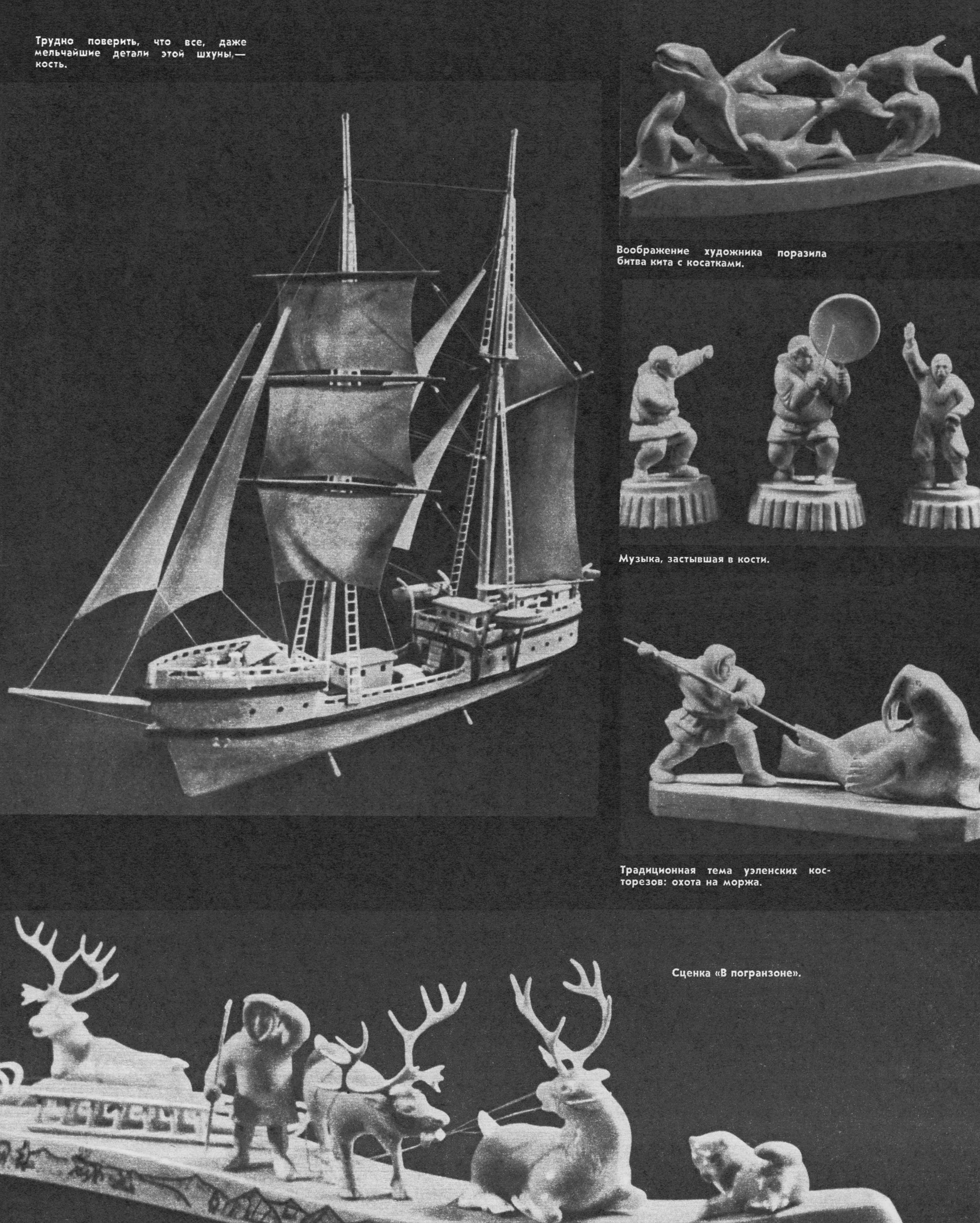
Заслуженный художник РСФСР Туккай.

РЕЗНОЕ ЧУДО ЧУКОТКИ

Б. СМИРНОВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Узкая, в несколько десятков метров галечная коса вдается в море. По обе стороны, образуя улицу, тянутся деревянные дома, а когда дома кончаются, улица переходит в посадочную полосу для самолетов. Это и есть Уэлен — небольшой чукотский поселок, который тем не менее найдешь на любой географической карте. Знаменит поселок тем, что находится на самой дальней восточной точке европейско-азиатского материка, и тем еще, что здесь живут неповторимые, единственные в своем роде мастера резьбы по кости. Исстари любой житель Уэлена — ребенок или старик, чукча или эскимос — умел выточить из клыка моржа причудливую фигурку, но настоящих вершин в искусстве резьбы достигали лишь редкие самобытные художники. Имена Гемауге, Хухутана, Туккая раньше повторял весь Север, потом их узнала и страна, а теперь, когда уникальная продукция Уэленской косторезной мастерской разошлась по многим выставкам,— весь мир.

Трудно поверить, что все, даже мельчайшие детали этой шхуны,— кость.

Воображение художника поразила битва кита с косатками.

Музыка, застывшая в кости.

Традиционная тема уэленских косторезов: охота на моржа.

Сценка «В погранзоне».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663